

ГЛОБАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ

2.4

Куда идет китайская социология?

Липинг Сун

Социология и известность

Роберт Ван Крикен
Ведат Милор

Насилие и протест в Латинской Америке

Йоханна Парра
Надя Родригес
Милтон Видал

- > **Собрание исполкома МСА в Бейруте**
- > **PhD лаборатория в Йоханнесбурге**
- > **Социологические путешествия**
- > **Арабские восстания**
- > **Социология или социологии: единственная или множество?**
- > **Наши иранские редакторы**
- > **Место франкофонной социологии в глобальном мире**
- > **Уголок истории: И снова о МАФС: из архивов МСА**
- > **Вызовы Индийскому социологическому обществу**
- > **Публичная социология в Университете Анкары**
- > **Демократизируя будущее**

БЮЛЛЕТЕНЬ

ТОМ 2 / ВЫПУСК 4 / МАЙ 2012

ГДБ

International
Sociological
Association

> От редактора

МСА в интернете — будущее социологии

Журналу “Глобальный диалог” уже два года. За это время он увеличил объём с 8 до 30 страниц, стал издаваться на 14 языках, сменил стандартный шаблон на индивидуальный дизайн, превратился из рассылки в полноценный журнал. Он выходит в электронном виде, но куда бы я ни поехал, мои чемоданы набиты печатными версиями журнала на нужных языках. “Глобальный диалог” представляет социологический взгляд на события во всём мире, а также публикует информацию о мероприятиях, касающихся МСА, о конференциях, социологических дебатах, темах для специальных колонок, последних новостях национальных социологий и так далее. Важнее всего, что журнал создаёт возможность диалога между переводчиками — как между носителями одного языка, так и между командами разных стран. Так, например, в этом номере молодые энтузиасты Лаборатории публичной социологии в Варшаве представляют отчёт о конференции, организованной ими с целью запуска польской версии “Глобального диалога”, где была продолжена дискуссия журнала о глобальном и универсальном характере социологии. Поэтому один из результатов нашей деятельности — появление сети взаимосвязанных групп молодых социологов, разрабатывающих разнообразие видения мировой социологии.

Видеокурс “Public Sociology, Live!” основан на том же принципе. Здесь блестящие социологи из разных стран беседуют с заинтересованными студентами Беркли о своём опыте участия в проектах публичной социологии. Так как разговор происходит по Skype, признанные публичные социологи могут не отвлекаться от обязательств и продолжать свои исследования. Эти беседы записываются на видео и выкладываются на сайт МСА, где они доступны по адресу <http://www.isa-sociology.org/public-sociology-live/>. Этот видеокурс, в частности, используется в качестве учебного материала студентами и преподавателями в Барселоне, Тегеране, Йоханнесбурге, Сан-Пауло, Киве и Осло, при этом краткое содержание дискуссий потом выкладывается участниками в сеть Facebook, что, в свою очередь, порождает дальнейшую дискуссию. Таким образом, мы создаём информационные узлы, лаборатории и институты, которые получают новую информацию о себе путём коммуникации с другими. Всё это способствует росту мирового сообщества социологов, объединённых своими различиями. Социальные медиа могут укрепить и обогатить взаимодействие между людьми как раз потому, что они доносят это взаимодействие до мировой аудитории. Так, Лалех Бехбаханян в этом номере сообщает о серии видеофильмов Journeys through Sociology, в которых члены Исполнительного комитета МСА рассказывают о том, как они пришли в социологию и с какими трудностями столкнулись на своём профессиональном пути. Без Интернета у большинства членов МСА не было бы возможности услышать или увидеть лидеров этой международной профессиональной организации, но теперь это можно сделать одним щелчком мыши. Вышеописанные видеофильмы — отличный пример того, что мы можем сделать в любой точке земного шара при наличии Интернета. Их можно воспринимать как модели для подражания или же идеи, которые можно модифицировать и совершенствовать. Интернет может повлечь за собой деградацию образования, но точно также он способен поднять уровень образования; он может как изменить общение между людьми к худшему, так и обогатить их коммуникацию. Пока у нас есть доступ к Интернету, нам самим решать, как им пользоваться.

«Глобальный Диалог» выходит пять раз в год на 14 языках. Он доступен на официальном сайте МСА. Заявки присылать Майклу Буравому: burawoy@berkeley.edu

Куда идет китайская социология? В интервью ведущий китайский социолог Липинг Сун обсуждает место социологии в общественной жизни Китая и объясняет, почему Китай ожидает стагнация

Селебритизация академии. Роберт Ван Крикен рассказывает о политике известности в академии, которая создала голливудоподобную систему создания научных звезд, ведущую к коррозионным эффектам в отношении научной работы и самих ученых.

От профессора социологии к гуру кулинарии. Мечтаете о другой карьере? Турецкий социолог Ведат Милор рассказывает о том, как он превратился в телезвезду праймтайм и все благодаря своей гастрономической программе.

> Редакционный совет

Редактор:

Майкл Буравой.

Исполнительные редакторы:

Лола Бусуттил, Август Бага.

Заместители редактора:

Маргарет Абрахам, Тина Уйс, Ракель Соса, Дженифер Платт, Роберт Ван Крикен.

Консультанты редакции:

Изабела Барлинска, Луи Шовель, Дилек Синдоглу, Том Дуайер, Ян Фриц, Сари Ханафи, Хайме Хименес, Хабибул Хондкер, Симон Маладименг, Ишвар Модии, Никита Покровский, Эмма Порио, Йошимичи Сато, Винеета Синха, Беньямин Техерина, Чин-Чун Йи, Елена Здравомыслова.

Региональные редакторы:

Арабский мир:

Сари Ханафи, Мунир Сайдани.

Бразилия:

Густаво Танигути, Джулиана Тонче, Педро Манчини, Фабио Сильва Цунода, Дмитрий Кербнчини Фернандес, Андреса Галли, Рената Баррето Претулан.

Колумбия:

Мария Хозе Альварес Ривадумла, Себастьян Виллализар Сантамария, Андрес Кастро Араухо.

Индия:

Ишвар Модии, Ражив Гупта, Рахими Джайн, Удай Синх.

Иран:

Рейханех Джавади, Шахрад Шахванд, Фейтмех Могхаддаси, Сагхар Бозорги, Джалал Каримян.

Япония:

Казухиса Нишихара, Мари Шибя, Йошия Шитотани, Коусуке Химено, Томохиро Такама, Ютака Ивадате, Казухиро Икеда, Ю Фукуда, Мичико Самбе, Такако Сато.

Польша:

Миколай Миржеевский, Анна Пикутовска, Каролина Миколаевска, Якуб Розенбаум, Томаш Пятек, Юлия Легат, Миколай Нижинский, Анна Рзежник, Конрад Семашко, Патриция Пендраковска, Войтек Перчусь, Адам Мюллер

Россия:

Елена Здравомыслова, Елена Никифорова, Ася Воронкова, Анна Кадникова.

Тайвань:

Джинг-Мао Хо.

Украина:

Свитлана Хутка.

Медиаконсультанты:

Анни Лин, Хозе Регуера.

> В этом выпуске

От редакции: МСА в интернете – будущее социологии **2**

Куда идет китайская социология?

Интервью с Липинг Суном, Китай **4**

> ИЗВЕСТНОСТЬ

Селебрификация академии

Роберт Ван Крикен, Австралия **6**

От профессора социологии к гурю кулинарии

Ведат Милор, Турция **8**

> НАСИЛИЕ И ПРОТЕСТ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Жестокость изумрудов

Йоханна Парра, Колумбия **11**

Земельная реституция в Колумбии

Надя Родригес, Колумбия **13**

Студенческое движение в Чили

Милтон Видал, Чили **15**

> ЧТО ПРОИСХОДИТ В МСА?

Встреча членов исполкома МСА в Бейруте, 2012

Майкл Буравой, США **17**

Лаборатория аспирантов, ноябрь 2011

Тина Уйс, ЮАР **20**

Путешествия по социологии

Лалех Бехбеханян **21**

> КОНФЕРЕНЦИИ

Арабские восстания

Амина Араби и Джулиан Юргенмейер, Ливан **23**

Социология или социологии? Польский диалог

Миколай Мержеевски, Каролина Миколаевска, Якуб Розенбаум, Польша **25**

> СПЕЦИАЛЬНЫЕ КОЛОНКИ

Представление редакторов: иранская команда

Рейханех Джавади, Иран **27**

Место франкофонной социологии в глобальном мире

Андрэ Петита, Швейцария **28**

Уголок истории. Снова о МАФС: из архивов МСА

Дженнифер Платт, ВБ **30**

> ИЗ РЕГИОНОВ

Вызовы, стоящие перед Индийским социологическим обществом

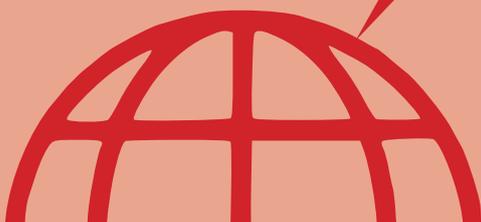
Ишвар Модии, Индия **31**

Публичная социология в университете Анкары

Гюннур Эртонг и Йонка Одабаш, Турция **32**

Демократизируя будущее

Маркус С. Шульц, США **33**

> Куда идет китайская социология?

Интервью с Липинг Суном

Интервью провел М.Буравой при участии проф. Юаня Шеня, Лины Ху, Ксюинг Ченга.
Липинг Сун, проф. социологии Университета Цингхуа, Пекин — один из ведущих интеллектуалов Китая.

Ведущий китайский социолог, Липинг Сун, объясняет «ловушку перехода».

МБ: Недавно Вы писали о стагнации китайского развития или, как Вы это назвали, «ловушке периода перехода». Что Вы имели в виду?

ЛС: Ловушка перехода заключается в поиске выгоды от реформ, что препятствует проведению дальнейших реформ. Те, кто выиграл от реформ, хотят сохранить статус кво, надеются заморозить институциональные формы с переходными характеристиками и учредить «смешанные институты» для максимизации своей выгоды. Все это ведет к искажению социально-экономического развития и накоплению экономических и социальных проблем. В сравнении с Советским Союзом и Восточной Европой китайские процессы перехода рассматриваются как пошаговая модель, и в этом-то и заключается проблема, ибо успехи ранней стадии реформ стали барьерами для дальнейшего развития.

МБ: Что именно Вы имеете в виду?

ЛС: Экономический успех Китая был гарантирован государственной монополией на все ресурсы и мощным административным ресурсом. Эта модель экономического развития основана на коррумпированных бюрократах, действующих через алчущее ренты государство. Распространение этой властной бюрократии, однако, стало препятствием для дальнейшего перехода к реальной рыночной экономике, экономике, руководствующейся правовыми нормами.

МБ: Вы широко известный в Китае публичный интеллектуал. Что это для Вас значит? Как в реальности Вы распространяете социологическое знание другим аудиториям? Какое влияние на Вас оказывает публичная социология?

ЛС: Различие между «традиционной» социологией и «публичной» в следующем. Изначально интерес традиционной социологии заключается в производстве знаний о социальной жизни. Хотя это знание несомненно оказывает влияние на общество, но это влияние «непрямое», оно является, скорее, непреднамеренным последствием научной деятельности. В противоположность этому, хотя публичная социология также производит знания об обществе, ее основной интерес — оказывать влияние на общество. По словам Роберта Мертона, манифестная функция традиционной социологии — производство знания, а скрытая — влияние на общество. В публичной социологии происходит инверсия манифестной и латентной функций.

>>

Различия между двумя типами социологии выражаются в выборе исследовательской темы и в том, как делаются выводы. Когда мы выбираем исследовательскую тему в Китае, приоритет отдается самым важным социальным проблемам, требующим изучения и решения. Например, наши исследования посвящены изменениям социальной структуры в период перехода, социальным противоречиям и конфликтам, ловушке перехода и так далее. Наша цель ясна — прийти к заключениям, которые помогут обществу понять эти вопросы и даже смогут повлиять на политику правительства.

Существует три главных канала влияния: публикации в академических журналах для оказания влияния на развитие дисциплины; выступления в публичных средствах массовой информации (включая социальные медиа, такие как твиттер) для влияния на общественное сознание; написание тематических исследовательских отчетов и оказание влияния на правительство через их публикацию в новостных и социальных медиа. Однако, вообще говоря, мы не вовлекаемся непосредственно в коллективные действия.

МБ: В чем Вы видите роль и функцию социологии в современном Китае?

АС: Поскольку Китай — это общество переходного периода, переживающее драматические социальные перемены, социология оказывает огромное влияние на общественную жизнь. В этот период социология может влиять как на общественное мнение, так и на политику правительства. Таким образом, различные модели индустриализации, предложенные социологами таким предприятиям, как Township and Village Enterprises (TVEs) и рекомендации по вопросам интеграции сельского и городского развития, стали спонсируемыми государством локальными проектами. Теоретические концепты, предложенные социологами, такие как «сообщество», стали кодом государственных политических документов и информированной практики общественной жизни после разрушения системы трудовых единиц.

МБ: Перед какими дилеммами сегодня стоят китайские публичные интеллектуалы? Есть ли темы, о которых вы не можете писать или говорить? Или у вас есть особые способы для обсуждения чувствительных вопросов? Как Вы выживаете как критик государства?

АС: В нынешней ситуации в Китае действительно есть много ограничений на публичную дискуссию. Однако в то же время нужно отметить, что пространства для публичных интеллектуалов больше, чем Вы можете себе представить. Многие вопросы могут быть заданы напрямую. Некоторые чувствительные темы также могут быть затронуты через «тактические повороты». Например, можно говорить о сегодняшних реалиях, обращаясь к истории, или говорить о Китае, апеллируя к Советскому Союзу или Восточной Европе, и так далее. С появлением интернета, блогов и твиттера пространство прямого обсуждения острых тем значительно расширилось, так как контроль за новыми

медиа значительно слабее. Я также должен добавить, что объективность социологии и ее фокусирование на свидетельствах, иными словами, ее научный характер, также помогает расширить пространство обсуждения общественных вопросов.

МБ: Как Вы пришли в социологию? Я знаю, что Вы посвятили много времени исследованиям устной истории крестьянства. Чему Вас научили эти исследования?

АС: Я изучал журналистику и перешел в социологию уже на старших курсах колледжа. Это было время возрождения социологии в Китае после почти тридцатилетнего забвения. В 1980-е моим основным исследовательским интересом была модернизация, потому что в то время это было центральной темой в Китае. Я начал исследования сельских районов методом устной истории в 1996 г. Целью был сбор информации о сельском обществе, которая помогла бы понять повседневную жизнь крестьян и «коммунистическую логику практики», присутствующую в их жизни. Мы хотели проанализировать китайские рыночные реформы как процесс «цивилизационного перехода», то есть процесс, организующий социальную жизнь, укорененный в повседневных практиках. Поэтому я отправился в деревню, чтобы поговорить с крестьянами об их опыте революционного периода.

МБ: Как изменилась социология за последние 30 лет? Каким Вам представляется будущее китайской социологии?

АС: Американская академия озабочена аккумуляцией знания, европейская беспокоится о ценностях, а китайская академия — о сегодняшних реалиях. То есть, традиция китайской социальной науки — фокус на проблемах реальности. Однако, вследствие влияния американской социологии и некоторых других факторов, сегодня намечилось падение интереса к реальности и в китайской социологии. Кажется, социология стала исследованием самой социологии в большей степени, чем общества. Даже когда исследование посвящено изучению общества, есть тенденция производства очень фрагментарного знания.

Я всегда был убежден в том, что очень важно изучать социальные переходы, особенно через исследования соответствующих процессов и событий. Это важно даже если нас интересует собственно развитие дисциплины. Что касается социологии, отцы основатели нашей современной дисциплины были озабочены объяснением капиталистической цивилизации. С другой стороны, коммунизм без сомнения представляет другую базовую цивилизацию в истории человечества. Он обладает набором институтов, ценностей и логикой, которые очень отличаются от западного капитализма, и претерпевает в последние годы существенные изменения. Я убежден, что исследования типологических характеристик, логики и процессов трансформации коммунистической цивилизации должны стать новым вдохновением и мотивацией для современной социологии и для социальных наук в целом. ■

> 0 селебрификации академии

Роберт ван Крикен, Университет Сиднея, Австралия, вице-президент МСА по финансам и членству, 2010–2014

| Пьер Бурдьё — знаменитость против селебрификации.

В сегодняшних университетах можно четко увидеть линии разрывов, которые становятся все длиннее и шире, разделяя академическое сообщество на три условных класса:

- элиты известных исследователей практически без преподавательской нагрузки и административной ответственности;
- «средний класс» преподавательско-исследовательского состава, стиснутый между постоянно растущими требованиями производить все больше высококачественных исследований и преподавать все большему числу студентов. Для среднего класса результаты труда элиты, занятой исключительно исследованиями, становятся высоким и недостижимым стандартом; этот класс обречен на неудачи и разочарования, а также вечный поиск «Святого Грааля» чисто исследовательской позиции;
- растущая армия пролетариата временно и частично занятых исследователей и преподавателей, чье положение характеризуется крайней неуверенностью в завтрашнем дне и плохими условиями труда, а также надеждами на обретение полноценной позиции в штате академических учреждений.

Можно по-разному анализировать эти тенденции, но здесь я бы хотел предложить некоторые соображения по поводу того, как работает особого рода «рациональность феномена знаменитости». Существует связь между социальными и экономическими механизмами, производящими фигу-

ры, которые мы называем знаменитостями — актеров, актрис, телеведущих, звезд спорта и других публичных людей — и преобразованиями, происходящими сейчас в университетах всего мира. Цель моего проекта заключается в рассмотрении и анализе феномена селебрификации в поле основных социологических концепций, таких как неравенство, идентичность, власть и управление. На мой взгляд, можно выделить целый ряд возможностей рассмотрения научного сообщества в качестве ключевого примера процессов и динамики «общества знаменитостей».

Феномену знаменитости уделяли внимание Роберт Михельс и другие ученые, но отдельно стоит отметить вклад Чарльза Райта Миллса, указавшего на то, как динамика всех видов конкуренции определяет производство отдельных лиц в качестве знаменитостей — видных действующих лиц (performers), выступающих в качестве когнитивных и практических ориентиров для остальных в данном конкурентном поле. В своем труде «Властвующая элита» (Oxford 1957: 74) Миллс писал:

В Америке эта система доведена до того, что человек, способный уложить белый мячик в ряд лунок с большей эффективностью и мастерством, чем кто-либо другой, оказывается вхож к президенту Соединенных Штатов. Она доведена до такой степени, что ведущий развлекательных программ на радио или телевидении становится компаньоном по охоте крупных промышленников, членов правительства и высших военных чинов. И, похоже, выдающиеся достоинства этого человека не имеют значения: коль скоро он выигрывает это соревнование у остальных, он удостоивается почестей.

Сказанное не совсем верно — речь идет, скорее, о рок-звездах, которые получают доступ к президенту, однако у человека с белым мячиком для гольфа в этом смысле тоже все хорошо. Дело в том, что максимально широкая видимость и признание становятся ресурсом и ценностью сами по себе, независимо от того, что изначально породило это признание.

Роберт Мертон характеризует это явление как «эффект евангелиста Матфея» в сфере науки, ссылаясь на главу 25:29 «Евангелия от Матфея»: «Ибо всякому имеющему дасться и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет». По его замечанию, лауреаты Нобелевской премии получают гораздо больше внимания, чем их коллеги, независимо от качества исследований, проводимых теми и другими. Пока человек остается в науке, объем внимания к научной деятельности имеет свойство накапливаться сам по себе. Эта идея получила развитие в трудах Герберта Саймона (1971), который отметил, что там, где есть избыток информации и знаний, дефицитным ресурсом, и, следовательно, важным товаром, становится внимание, >>

способность направить познающий взгляд (cognition) в одном направлении или в сторону одного объекта, а не другого. Внимание является дефицитным ресурсом или «позиционным благом» в «звездной системе» музыкального мира, рассмотренной Ричардом Сеннеттом. Здесь речь идет о том, как отдельные музыканты, задействуя дополнительные механизмы привлечения внимания, выходят за границы категории «просто хороших» музыкантов, в итоге оттесняя своих конкурентов в музыкальном поле.

Набирающая силу ориентация на глобальное ранжирование и постоянное совершенствование методов измерения и оценки создают аналогичную конкурентную динамику между отдельными учеными, университетами и странами. Там, где есть конкуренция, есть и производство знаменитостей — звездных ученых, исследователей, университетов. Можно сказать, что оценка цитируемости является мерой оценки влиятельности конкретного исследования, а также известности автора в научных кругах. Мы цитируем Бурдые или кого угодно не только потому (и даже главным образом не потому), что это так важно для нашего анализа, а чтобы показать, что мы знаем, кто такой Бурдые.

Существующая система академической известности работает на трех уровнях: индивидуальном (как правило, исследователи и редко — преподаватели), институциональном (университеты) и национальном или региональном (страны или группы стран). Возможно, эта параллель будет слишком смелой, но во многом все они хотят — или их вынуждают хотеть — быть Ким Кардашьян своей дисциплины или глобальной университетской системы. Так же, как публичность и видимость Кардашьян влияет на ее способность зарабатывать с помощью спонсоров и продажи своего имиджа и бренда, также и рейтинги важны для университетов, ибо они влияют на количество студентов, их социальный статус и щедрость меценатов, доноров и правительства. Именно поэтому университеты тратят столько времени и денег на развитие своих «брендов».

Какие уроки можно извлечь из социологического анализа феномена селебрификации применительно к текущим

трансформациям в университетах? Здесь нет места для более детального обсуждения, но для начала я могу предложить несколько возможностей. Во-первых, само признание того, что машина производства и распределения внимания является предметом нашего рассмотрения, и внимание, а не научная ценность знания, зачастую выступает в качестве важного ресурса, дает возможность скептически отнестись к статусным играм, разворачивающимся в университетах. Понимание того, что то, что преподносится как меритократия, является во многих отношениях «селебритократией» (“celebritocracy”) помогает увидеть, что многие кризисные тенденции в действительности напрямую связаны с «борьбой за внимание».

Во-вторых, если селебрификация — это та игра, правила которой мы вынуждены соблюдать в современном мире, то можно рассмотреть эти правила в более широком контексте и применять аналогичные стратегии в нашей научной деятельности. Мы все знаем высказывание Энди Уорхола о том, что «в будущем каждый будет знаменит на 15 минут», которое ему позже наскучило, и он захотел поменять его на «через 15 минут каждый станет знаменитым». Мы можем понаблюдать, как этот механизм работает в популяризации разных типов хорошо различаемых и повсеместно узнаваемых лиц (они же «звезды») во все большем количестве сфер деятельности.

Вместо того, чтобы принимать иерархию научных статусов, внедряемую в настоящее время и напоминающую старую систему голливудских звезд, можно создавать собственные системы признания «снизу», различного рода архаусную науку (если придерживаться киношных аналогий), в том числе разнообразные исследовательские сети, которые могут принести, а могут и не принести славу, но которые определенно доставляют нам удовольствие и которые, на наш взгляд, делают хорошую и полезную работу. Можно отказаться от логики «победитель получает все», которая, похоже, сегодня движет университетами, и сориентироваться друг на друга, не позволяя себе соблазниться «центростремительным взглядом», направленным на академических звезд. ■

> Как стать знаменитостью:

От профессора социологии к гуру кулинарии

Ведат Милор, Стамбул, Турция

Ведат Милор, кулинарный гуру, не слишком доволен своей едой.

Можно подумать, что человек на экране телевизора участвует в религиозном ритуале и застыл в глубокой молитве. Он придерживает голову двумя руками, полузакрытые глаза смотрят в одну точку. Вдруг из его кармана в море падает мобильный телефон. В кадре какое-то смятение. Камера переходит на худощавого мужчину, у которого не достаёт двух передних зубов; на нем поварской фартук. Он кричит на официантов, чтобы те нашли телефон. Однако, странным образом, владелец телефона не проявляет никакого интереса к инциденту. Вместо этого он поворачивается к худощавому по-

вару и спрашивает: «Почему ты взял для этого блюда яблочный уксус, а не вишневый?»

Я не могу удержаться от смеха. Я смотрю на себя со смесью недоверия и удовольствия. Это, однако, не реалити-шоу. Это единственная известная мне гастрономическая телепрограмма, которую вещают в прайм-тайм и по выходным на главном канале Турции, NTV. Я звезда этого шоу; я хожу по ресторанам, пробую множество блюд, делаю срочные замечания о качестве ингредиентов и вкусовых комбинаций, критикую и требую объяснений от поваров. Если у ресторана есть винная карта, я прошу бокал вина к каждому блюду

и высказываю свое мнение о вине и о том, насколько оно сюда подходит. Я путешествую с двумя операторами и продюсером канала. Мы ходим в рестораны, в основном, в Турции, но также бывали в Риме, Каталонии, Грузии, Сирии и Ливане. В конце каждого посещения я представляю двух-трехминутный общий обзор и оцениваю ресторан по пятизвездной шкале. Рестораны, получившие четыре или пять звезд, обычно срывают куш и получают много клиентов, даже если раньше пустовали.

Могу ли я назвать себя поваром? Конечно, нет. Я с трудом могу разбить яйцо. Знаменитость ли я? Да. Люди узнают меня на улице и все время

>>

просят со мной сфотографироваться. Обо мне пишут на интернет-форумах, бесконечно рассуждая о моей мотивации, характере и любопытству о личной жизни. Я получаю письма от студентов с вопросами «как нам стать таким, как Вы?» и от родителей школьников с просьбами написать что-нибудь для их детей, потому что я – их идол, и они хотят стать «Ведатом Милором», когда вырастут!

Но кто я такой? Как это все произошло? Вспоминая каким я был тридцать лет назад, я вижу любознательного аспиранта факультета социологии университета Беркли, только что закончившего экономический факультет Университета Босфора в Турции. Его увлекали Сраффа, неокейнесианизм, Альтюссер и французские структуралисты-марксисты. Однако в Беркли он «открыл» этнографический метод и начал интересоваться «глубинными исследованиями случая» с целью понять динамику социальных изменений. Научный руководитель, Майкл Буравой, убедил его, что сравнительная методология облегчит поиск теоретической рамки для понимания и формулирования вопросов об «автономии» государства в зависимой капиталистической экономике, такой как Турция. Таким образом, после некоторых методологическо-аналитических размышлений, он решил сравнивать экономическое планирование в послевоенной Турции и Франции, чтобы выявить структурные различия в государственной экономике и классовые отношения в странах центра и периферии.

В этом месте меня подмывает сыграть в невинность и сказать, что восхищение французским вином стало «непредвиденным следствием» моего выбора Франции как идеально-типичной модели управляемой экономики. Но нет, все было не так. Я уже был укушен мухой великолепного бургундского, платя 10 долларов за бутылку Henri Jayer Bourgogne 1982 года в Kermit Lynch Wine Merchant, Berkeley. Я не мог позволить себе приобрести радиоприемник, но пил хорошее вино. Для меня хорошее бургундское было глубоким и захватывающим переживанием. У хорошего красного бургундского многогранный аромат, переменчивая природа, возбуждающая вкусовые рецепторы, и элегантная феминная

текстура с удивительно крепкими пряными финишными нотами. Оно настолько сложное и чувственное, что воплощает в себе все то, что я ценю в буржуазно-демократичных рафинированных западных цивилизациях в противопоставление отупляющему культурному пуританству Америки времен Рейгана и военному правлению генерала Кенана Эвре-на в Турции.

«Но почему Вы сравниваете Францию и Турцию?» — спросила меня дама, пришедшая в кампус интервьюировать меня для стипендии Фулбрайт. Я до сих пор помню выражение шока на ее лице, когда она услышала ответ: «вино и еда!». Должно быть, она со мной согласилась, потому что стипендию мне дали. Я был верен своему заявлению. В своей известной книге «Неординарные. История успеха» Малкольм Гладуэл формулирует несколько произвольное, но правдоподобное правило 10,000 часов. Многие люди рождаются с внутренними талантами, но для их реализации человек должен быть трудоголиком и потратить 10,000 часов в своем деле, чтобы преуспеть. Что ж! А что сказать о правиле 10,000 бутылок? Я определенно был близок к этой модели успеха в период между 1985 и 1990-м годами, поскольку, учась в аспирантуре, был членом многих винных клубов и дегустационных групп.

Последующие годы пролетели со скоростью света. Я начал работать политическим экономистом в Мировом банке, но когда в 1990 г. я получил приз за лучшую диссертацию Американской социологической ассоциации, меня снова вовлекли в академическую жизнь. Я преподавал в Brown University и Georgia Tech, получил степень права в Стэнфорде и был избран в члены Order of the Coif. Я даже провел год в Institute for Advanced Studies и получил привилегию работать рядом с одним из самых выдающихся умов 20-го столетия, Альбертом Хиршманом. Я также работал в стартапах Силиконовой долины.

И все-таки, особенно после опыта Силиконовой долины, меня перестала интересовать жизнь ученых. Участие в проекте факультета публичной политики Технологического университета Джорджии под названием

«Как повысить эффективность использования внешних консультантов отдела транспорта Джорджии» стало последней каплей. Я не хотел становиться технократом и не разделял интересов своих коллег. Нужно было искать альтернативы.

Мой коллега по работе в Мировом банке в Вашингтоне стал главным редактором уважаемой турецкой ежедневной газеты Milliyet. Он искал кого-то с хорошим знанием вина и кухни и репутацией честного цельного человека. Он спросил, не хочу ли я вести дважды в неделю колонку в его газете. С тех пор я стал перекати-полем.

Есть ли какое-то теоретическое объяснение моей популярности? Я думаю, есть. Динамика, принесшая мне славу и популярность, подобна динамике, приведшей к власти в Турции правящую Партию справедливости и развития (ПСР) в 2002 г. Правящий светский альянс военно-бюрократической элиты и монополистской части крупной буржуазии потерял влияние в политике и экономике. Подогреваемая безудержной коррупцией в политике и тяжелым экономическим кризисом, версия исламского популизма, представленная ПСР, обещала честность и прозрачность. Партия выиграла от раскола властного блока и нашла поддержку среди монополистской части капитала. Она также мобилизовала маргинализированные сегменты анатолийской буржуазии, горожан, занятых в торговле и строительстве, образованную часть консервативной молодежи и разрастающиеся массы городской бедноты.

Я удивлен популярности своей передачи в Анатолии и среди городской бедноты. Конечно, среди моих поклонников много образованных людей, которые могут позволить себе ходить в рестораны, но чем можно объяснить такую популярность среди маргинальных городских слоев и особенно среди молодежи? Мне несомненно помог мой статус аутсайдера. Я не был частью старых сетей индустрии продуктов и напитков и уклоняюсь от тесного сотрудничества с крупными ресторанами и пищевой индустрией.

Но я уверен, что есть еще один важный фактор, объясняющий мою популярность, особенно среди мо-

лодежи. Пуританско-репрессивный элемент, всегда присутствующий в исламской культуре, стал особенно заметным с приходом к власти ПСР. Когда этот репрессивный уклон против чувственных удовольствий сопровождается безудержными политическими репрессиями оппонентов, в особенности молодые, уходят в себя и находят спасение в сфере воображаемого. Нетерпимость к коллективным формам протеста и жесткая цензура средств массовой информации генерирует страх, но также и стимулирует воображение.

Молодежь считает политику «грязной», а экономическую жизнь — «непристойной». Они отдают себе отчет в том, что, чтобы «достичь успеха» в жизни, нужно пожертвовать моральной целостностью. Кажущийся беззаботным человек приблизительно возраста их отцов, живущий прекрасным романом с вином и едой, представляется совершенно обворочительным альтер эго. На фоне бесцельного существования и чахлах устремлений, приключение в «поисках вкуса» длиною в жизнь выглядит лучшим подарком судьбы.

Возможно, я выполняю для них функцию бургундского («Jayer Bourgogne»), позволяющего удвоить психическую энергию и дать волю репрессированной чувственности во враждебной социально-культурной и экономической среде. «Покоренный идеализм» маргинальной молодежи всех экономических классов есть обратная сторона «культуры знаменитости» и статуса знаменитости как «идола». Здесь трудно не вспомнить Маркса: «смертью культуры знаменитости должна стать эмансипация знаменитостей». ■

> Жестокость изумрудов

Йоханна Парра, Университет Исеси, Кали, Колумбия

Колумбия — страна, богатая изумрудами. Воюющие семьи превратили добычу изумрудов в опасный бизнес, где применяется насилие. На фотографии мужчина подсчитывает улов. Фото Я. Сохора.

Междоусобицы, происходящие в Колумбии, стали объектом социологического анализа в рамках Violentology — специализированной области знания, в России известной как вайолентология. Эта отрасль колумбийской социологии первоначально была посвящена изучению конкретного исторического периода Колумбии, называемого «La Violencia» (период насилия) (1945-1965), и основывалась на фундаментальном труде «Насилие в Колумбии. Изучение социальных процессов» (La Violencia en Colombia. Estudio de un Proceso Social) (1962) епископа Германа Гусмана Кампоса, Орландо Фальса Борды и Эдуардо Уманьи. Эта работа, построенная на концепции «структурной бедности», предлагает социологическое объяснение кризиса, вызвавшего гражданские беспорядки. Один

конкретный случай — убийство лидера Либеральной партии Хорхе Эльсера Гайтана 9 апреля 1948 года — обратил насилие, живущее тогда в социальном и политическом воображении, в неуловимую реальность. Но основная причина распада «социального тела» лежит в отсутствии символического единства национального государства. Ряд политических, военных и религиозных сил подвигли массы взять в руки оружие и вступить в смертельный бой со своими противниками. Либеральная и Консервативная партии являются традиционными историческими политическими структурами Колумбии. Эти партии появились в ходе Движения за Независимость (1810-1830), которое и породило нацию. Насилие являлось частью повседневной жизни национального государства от обретения независимости до сегодняшнего дня. Дэниэль Пеко в своей работе «Порядок и наси-

лие» (Order and Violence) показывает, что в период между 1863 и 1886 в Колумбии произошло девять крупных гражданских войн, заложивших основу междоусобиц и жестокости XX века, передающихся от поколения к поколению вплоть до настоящего времени.

Вайолентология — исследования насилия — получила развитие и в других географических пространствах, но в колумбийской социальной науке это направление стало основным, объясняющим историю и социальное устройство страны. Многие еще предстоит сделать: необходимо произвести историографические и этнографические исследования, которые позволят понять насилие, встроенное в повседневную жизнь. Моя работа — вклад в осуществление этой задачи.

Не только военные столкновения, порожденные «Ла Виоленсией», покрывшие страну кровью и огнем, но

>>

и беспредельное варварство совершаемых злодеяний стали причиной нормализации насилия как части повседневной жизни. В конце периода «Ла Виоленсии», во время холодной войны 1960-х и 1970-х годов, различные группы взяли в руки оружие и основали марксистские партизанские движения. Одно из них, FARC (Колумбийская революционная армия), образованное из вооруженных фракций Либеральной партии, действует и по сей день. С другой стороны, в основе военизированных формирований лежит возобновление активности ополченцев Консервативной партии, а также приватизация вооруженных сил и сил безопасности, основанных наркоторговцами.

Бесконечные вооруженные конфликты и сама природа военных действий и конфронтации, основанные на систематическом терроре и жестокости, породили огромное количество перемещенных лиц. Насилие настолько укоренилось в повседневной жизни, что уже вторгается в интимные отношения и вызывает непримиримые разногласия между семьями и даже членами одной семьи, создавая болезненные темы умолчания, передающиеся от одного поколения другому. Позвольте мне теперь рассказать о своем исследовании в Изумрудном

районе, автономной территории с населением в 80000 человек, расположенной в 40 километрах от Чикинкиры, центра департамента Бояка, в восточной части Анд. Всего за десять лет этот регион пережил переход от крестьянской экономики к добывающему производству, что стало причиной гигантского роста благосостояния тех немногих, которые отважились на работу в изумрудных шахтах. Преобразования региональной экономики изменили структуру крестьянских семей и привели к образованию новых родственных союзов. Новые связи между семьями, наиболее активно вовлеченными в изумрудный бизнес, потребовали от предпринимателей и охранников шахт своеобразного сотрудничества по поводу все того же семейного бизнеса. Это укрепило мафиозные семьи в рамках крестьянской традиции, в которой семейные ценности, честь, происхождение и лояльность имеют основополагающее значение для управления экономикой, что показал Антон Блок в «The Mafia of a Sicilian Village, A Study of Violent Peasant Entrepreneurs» (1860-1960).

Поскольку колумбийское правительство не смогло управлять шахтами и защищать их от кроважанных искателей изумрудов, в 1970е годы шахты

были захвачены боссами и крестными отцами, или донами, как их называют в регионе. В период между 1960 и 1991 годами случились две «Изумрудные войны» за контроль над недрами, в ходе которых погибло по крайней мере 5000 человек. В 1991 году войны закончились мирным договором между выжившими донами. Однако конфликты между торговцами изумрудами на этом не были исчерпаны, а, более того, усугубились возникновением незаконного оборота наркотиков и военизированных группировок. Новые элементы, появившиеся в регионе, связали уже существующие семьи с теневой экономикой и частными армиями, что лишь усилило эндогамную культуру насилия.

Сходные черты можно найти и в других регионах Колумбии. Насилие стало частью приватной сферы — семейных отношений и воспитания детей — что является результатом экономического бума и отсутствия государственного регулирования.

Тяжелая морально-политическая ситуация также делает небывало актуальными социальные полевые исследования, позволяющие понять и раскрыть структуры конфликта и подчеркнуть необходимость государственного вмешательства. ■

> Земельная реституция в Колумбии

Надя Маргарита Родригес, Университ Розарио, Богота, Колумбия

За последние 15 лет более 4 млн колумбийских крестьян, подобно этому человеку, вынуждены были покинуть принадлежавшие им земельные участки. Фото Дж.Васкес.

Споры по поводу реституции земли в Колумбии начались с принятием 10 июня 2011 года закона № 1448, также известного как «Закон о статусе жертв». Это стало исторической вехой, учитывая огромные политические, экономические, социальные и правовые проблемы, связанные с реституцией земли, а также то, что государство открыто признало существование вооруженного конфликта. В частности, в третьей главе закона устанавливаются правила реституции земли для крестьян, лишившихся своих наделов в последние два десятилетия вслед-

ствие затянувшегося на полвека вооруженного конфликта в Колумбии. Эта статья закона является весьма спорной, ибо столь решительная поддержка данных мер правительством может быть расценена как попытка замаскировать пять десятилетий замалчивания этого вопроса. Несмотря на все усилия, имели место и многочисленные препятствия на пути реализации закона.

Вопрос о реституции земли в Колумбии должен рассматриваться с учетом высокой концентрации земельной собственности в одних руках — одной из главных проблем развития сельских районов. По за-

>>

явлениям ряда аналитиков, эта ситуация является не только основанием для глубокого экономического, политического и социального неравенства, но также и одним из главных источников кровавого конфликта в Колумбии (Fajardo 2002, Machado 2009, PNUD 2011). Концентрация земли в руках малого количества собственников приводит к бимодальной аграрной структуре, при которой большинство плодородных земель принадлежит небольшой группе экономической и политической элиты. Эта структура была доминирующей с колониальных времен, и с течением времени ситуация лишь ухудшалась. После неудачных попыток аграрной реформы в прошлом веке, в частности, в 1936 и 1961 годах (Molina, 2000: 36), возникли вооруженные группы, требующие перераспределения земли. Таким образом, большая часть сельской Колумбии находится в состоянии полу-перманентного кризиса, в условиях которого легальные и нелегальные акторы ведут войны за контроль над территорией, приведшие к систематическим, жестоким и массовым перемещениям 4 миллионов крестьян. Таким образом, задача, стоявшая перед учреждениями, отвечающими за реституцию земли, требовала титанических усилий.

Сложилась тяжелая ситуация, связанная с юридическими ограничениями и социальным контекстом, в котором реализовывалась реституция земли. Центр социальных исследований развития при Университете Розарио применил междисциплинарный подход (сочетание юриспруденции и социальных наук) для выявления и понимания трудностей применения закона. Одна часть этого проекта предполагает проведение исследования для Комиссии по правовой реституции, которое освещает пять сложных вопросов:

- Во-первых, в зоне, где осуществляется реституция земли, продолжается вооруженный конфликт, затрудняющий предо-

ставление гарантий собственности на земельные наделы. Задача колумбийского правительства заключается в обеспечении безопасности крестьян путем прекращения вооруженного конфликта.

- Во-вторых, в соответствии с законом, реституция предполагает предоставление права собственности или выплату компенсаций, которые на самом деле не компенсируют ущерб, нанесенный землей или отдельным лицам, и не восстанавливают статус-кво. Следовательно, политика реституции не может ограничиваться лишь предоставлением прав на землю, но должна обеспечить потерпевшим достойную жизнь на своей земле. Более того, массовые перемещения сопровождались многочисленными нарушениями прав человека, в результате которых перемещенные лица пережили глубокую психологическую травму, что еще больше затрудняет их возвращение на родную землю. Короче говоря, жертвы нуждаются в поддержке, выходящей за пределы правовой компетенции.
- В-третьих, крестьяне, лишившиеся земли и в настоящее время проживающие в городских районах, вряд ли захотят вернуться в сельскую местность, учитывая крайнее неравенство между городом и деревней в уровне общего развития, образования и здравоохранения. Утрата земли привела к разрыву социальной ткани, и процесс восстановления для этих общин будет очень трудным.
- В-четвертых, если предполагается, что собственники земли будут жить за счет труда на своей земле, а не сдавать земли в аренду или продавать их сельскохозяйственным компаниям, им необходимо предоставить экономическую, техническую и производственную поддержку.

- В-пятых, проведение земельной реституции обнаружило наличие правовых и организационных проблем, таких как, например, подготовка государственных служащих и специалистов по земельному праву (пока их нет в Колумбии). Государство должно будет доказать, что узурпация земли действительно имела место. В этой связи возникает важный вопрос: как государство может получить в собственность землю, которую оно намерено вернуть бывшим владельцам, учитывая, что большинство наделов в настоящее время находится в третьих руках и что закон освобождает третьих покупателей от ответственности?
- Наконец, существуют серьезные структурные и политические проблемы. Важнейшие из них — конфликты между национальными и региональными элитами за контроль территории, которые включают столкновение экономических интересов при эксплуатации природных ресурсов — как богатства недр, так и урожая. Примеры реституции земли в Курбардо, Хигуаминдо или Асьенда лас Павас демонстрируют, что даже если юридические проблемы решаются, властные порядки на местном уровне могут помешать возвращению земель первоначальным хозяевам.

Литература

Fajardo, D. (2002) *Para sembrar la paz hay que aflojar la tierra*. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia.

Machado, A. (2009) *La reforma rural, una deuda social y política*. Bogotá: Universidad Nacional de Colombia, CID.

Molina, P. (2000) "Reforma agraria? No es tan claro para qué el país la necesita." *Economía Colombiana* 278: 34-7.

PNUD (2011) *Colombia Rural: Razones para la esperanza. Informe de desarrollo humano 2011*. Bogotá: INDH PNUD. ■

> Студенческое движение в Чили

Милтон Л. Видал, Академический университет христианского гуманизма, Сантьяго, Чили

Чилийское студенческое движение против неолиберализма: «Наше будущее не продается».

Чили — это маленькая страна далеко на юге. В соответствии с доминирующим взглядом на мировую картографию, нас можно найти на кончике Южной Америки. Время от времени это место попадает в заголовки международных новостных хроник. В 2011 году движение, возглавляемое старшеклассниками и студентами, стало особенно заметным на международной арене, уже насыщенной социальным протестом.

Мы — часть региона с самым высоким в мире уровнем неравенства. Треть нашего населения живет в нищете, страдая от старых и новых форм насилия, жестокости, коррупции, рас-

трачивания скудных ресурсов. В этом контексте мужчины и женщины самоорганизуются различными методами, чтобы бороться за свои мечты, чтобы требовать уважения к своим фундаментальным правам, чтобы добиться от своих правительств исполнения обещаний и принятия решений, нацеленных на общее благо. Это происходит и в Чили, конечно же. Существует множество причин недовольства, подталкивающих латиноамериканцев к выходу на улицу, многие из которых намного более очевидны, чем социальные права школьников и студентов. Не следует забывать, что эта южная страна явилась отправной точкой и вдохновением для главных мер неолиберальной политики, про-

водившейся латиноамериканскими правительствами начиная с середины 70х, в особенности в отношении высшего образования.

Почему же тогда эти протесты начались в Чили? Почему они воспринимаются как легитимные таким большим количеством граждан? Строго говоря, надежды, возлагавшиеся на неолиберализм, рухнули. Обещание сделать высшее образование универсально доступным обернулось худшим: рост числа зачисленных находится в прямой зависимости от степени, в которой студенты и их семьи увязали в долгах. Плата за обучение в Чили является одной из самых высоких в мире. Большинство выплат производятся с помощью кредитов.

>>

В социологических терминах, в стране, где неравенство в распределении дохода разительно, особенно важно рассматривать высшее образование как общественное благо и решающий фактор социальной мобильности. Прибыль от частных инвестиций семей в образование — одна из наивысших в Латинской Америке, и цены на образование все еще растут. Ограничения на этот рост будут налагаться покупательской способностью семьи. В целом, относительно богатые платят за лучшее базовое образование (начальная и средняя школа) и выигрывают от обучения в лучших университетах (где прием осуществляется на основании результатов экзаменов и/или покупательской способности). Обладающие меньшим объемом ресурсов и посредственным базовым образованием должны идти на значительные жертвы для того, чтобы посещать сомнительные учреждения по высокой цене. Таким образом, протест с требованиями улучшения образования является борьбой против социального неравенства.

К удивлению многих, социальное движение в защиту государственного образования, в котором лидируют студенты, развивалось и с каждой неделей набирало все большую силу. Характер требований, движущие силы протеста, мобилизовавшаяся и легитимизировавшая себя социальная сила, международная солидарность — явления, не исключительные для Чили. Напротив, движения в защиту государственного образования добивались успеха в Уругвае, Боливии, Бразилии, Пуэрто-Рико, Эквадоре и Колумбии. Несмотря на это, полезно для международного обсуждения и рефлексии отметить некоторые характеристики чилийского случая.

Во-первых, университеты — все еще являются барометром социальной жизни. Возможно, настаивать на этой исторической константе — наивно, однако она часто забывается. Политики, которые должны проводить глубокие реформы в университетах, откладывают их, потому что считают, что высшее образование — это маргинальная проблема, в то время как экономические лидеры полагают, что дефицит в высшем образовании может быть решен инъекцией ресурсов из публичного сектора, банков, семей или всего вышеперечисленного. Большая ошибка! Университеты всегда были намного большим, чем

просто сектором политики. Все основные политические изменения были каким-то образом связаны с университетами. Думаем ли мы об изгнании евреев из Персидской империи Навуходоносор, политических дебатах в Академии Платона, дебатах перед протестантской реформацией Лютера и переводом Библии на немецкий, о кальвинизме в Университете Женевы, об Иране до и после Хомейни, о Китае до периода Народной Республики, о культурной революции или площади Тяньаньмэнь, о Мексике до и после резни в Тлателолко, университеты есть и будут оставаться глобальными институтами политического и социального значения. Поэтому они остаются в центре социологического внимания.

Во-вторых, образование на всех уровнях, а особенно на уровне университета, не может определяться поляризованным напряжением между государством и рынком. Гумбольдт был прав, когда он давным-давно утверждал, что государственное вмешательство мешает образованию. Латиноамериканцы знают, что государство — это воплощение власти, которая выражается через бюрократию. Социологи образования знают, что самая трудоемкая часть реформ — это проведение их в жизнь. Несмотря на это, даже Гумбольдт говорил, что мы не можем жить полностью независимо от государства. Мы должны требовать от государства гарантий институциональных условий получения образования. Мы также должны не дать университету стать площадкой борьбы личных интересов. В этом смысле образование — это общественное благо, а университеты — это общественные институты, даже если они финансируются частным образом. Образовательная, исследовательская функции, как и функция социальной поддержки, по сути своей являются общественными. Возможность университетов выдавать дипломы, подтверждающие квалификацию, зиждется на том, что общество им доверяет.

В-третьих, студенческое движение в Чили и в целом в Латинской Америке противостоит коммодификации образования. Организующая логика рыночной экономики не совместима с логикой научной подготовки. Давайте рассмотрим кооперацию между студентами и профессорами более подробно. Образование —

это всегда результат коллективных стараний. Его нельзя просто купить и потому оно не может полностью коммодифицироваться. Студенты могут стать образованными только посредством активного участия в научной деятельности. Поэтому мы вдохновляем их на то, чтобы они участвовали в семинарских обсуждениях, писали доклады, участвовали в исследовательских командах, делились своими идеями и обсуждали их с другими студентами. Представления о том, что профессора и студенты — это покупатели и продавцы, не только обманчивы (и должны подвергнуться критике не только по идеологическим причинам). Такое видение ставит препятствия на пути к образованию. Я поражаюсь тому, что коллеги в академических кругах зачастую усваивают точку зрения на студента как на клиента. Студентам необходима академическая свобода, которая в свою очередь зависит от свободы их профессоров. Эта академическая свобода разрушается рыночной экономикой. Если профессора рассматриваются как поставщики сервиса, то есть наемные работники, зависящие от того, кто владеет учреждением высшего образования, тогда они, в свою очередь, будут использовать студентов для продвижения своих узких интересов.

Напоследок, мы должны сказать, что студенческий протест — это хорошая новость для общества, университетов и социологов. Университет — это место, где общество превращается в тему исследования и в рамках этого процесса вновь утверждает себя. В этом самоосознании всегда присутствовали частные интересы и борьба за власть, которые угрожали академической свободе. Однако никакая борьба не могла разрушить Университет. Именно с этих позиций мы должны рассматривать студенческое движение в Чили, а также за пределами страны во всей Латинской Америке и мире. Я считаю, что устойчивость движения приносит пользу демократическому обществу. Студенческое движение вновь тесно связывает общество и университет, и это стимулирует развитие социологии. Тот, кто утверждает, что социологический нарратив приходит в упадок, ошибается. Социология находится в добром здравии в южной части мира. Надеюсь, терпеливые читатели, эти новости вас обрадуют. ■

> Встреча членов исполкома в Бейруте 19–23 марта 2012 г.

Майкл Буравой, Университет Калифорнии, Беркли, президент МСА

Члены исполкома МСА мешают социологию с ливанскими деликатесами.
Фото Маркуса Шульца.

Ежегодное собрание Исполнительного комитета МСА проходило в течение пяти дней в Американском университете Бейрута (АУБ), гостеприимству которого мы обязаны проф. Сари Ханафи и его коллегам по кафедре социологии, антропологии и исследований СМИ. Два дня встречи совпали с чрезвычайно интересным международным симпозиумом на тему «Арабские восстания» (см. этот

выпуск «ГД»), проведенным АУБ, Ливанской социологической ассоциацией и фондом Фридриха Эберта и привлекшего участников из различных стран арабского мира, представлявших различные сравнительные перспективы.

Пятидневный марафон начался с отдельных встреч комитетов МСА: программного, исследовательского, издательского, финансового и комитета по работе с национальными ассо-

циациями. Исполнительный комитет встретился в полном составе в конце недели и провел двухдневное заседание. Я рассказал о своих многочисленных командировках в разные уголки мира и о прогрессе проекта МСА-on-line (см. редакторскую колонку). Одной из самых насущных задач было принятие решения о месте проведения Всемирного конгресса МСА в 2018 году. Поступило пять отличных предложений от коллег из Будапешта,

Копенгагена, Мельбурна, Сарагосы и Торонто. В шорт-лист вошли Торонто и Сарагоса и окончательное решение будет принято после посещения университетов. Исполком принял решение вступить в Международный совет по науке (ISCU). На основании доклада специально организованной комиссии мы обсудили возможность учреждения премии или награды МСА и решили продолжить работу над разработкой проекта международной награды за достижения в научно-исследовательской работе. Ниже представлены доклады вице-президентов.

> **Маргарет Абрахам, вице-президент по исследованиям**

Координационный комитет по исследованиям (ККИ) провел в Бейруте очень продуктивную встречу. Мы обсудили следующие вопросы: статус пересмотра Устава исследовательских комитетов, тематических и рабочих групп; деятельность всех ИК-ТГ-РГ в 2006-2010 годах; и второй социологический форум МСА в Буэнос-Айресе в августе 2012 год.

Важная часть встречи была посвящена обсуждению хода подготовки к Форуму в Буэнос Айресе. Мы получили 6019 абстрактов планируемых выступлений от 7928 авторов; предполагается работа 693 секций (51 из них на испанском языке). Заявки поступили из самых разных стран, включая сильное представительство Латинской Америки (3528 или 45%).

Хотя ожидается высокий уровень участия в Форуме, количество участников все же будет сокращено из-за сложной экономической ситуации. Я работаю с Sage для создания виртуального пространства открытого доступа для распространения информации об исследованиях и обмена знаниями по вопросам, связанным с темой Форума – Социальная справедливость и демократизация. Более подробная информация об этом будет готова в ближайшее время!

В ходе обсуждения некоторых изменений в уставах ИК / ТГ / РГ было отмечено, что некоторым ИК-ТГ-РГ по-прежнему необходимо представить свои пересмотренные уставы. Эти изменения должны быть завершены задолго до следующих выборов. Мы также обсудили необходимость пересмотра состава исследовательских групп и комитетов, в частности

в отношении времени пребывания членом правления комитетов в должности. Некоторым комитетам необходимо предпринять активные шаги по поиску новых членов, которые будут баллотироваться на следующих выборах.

ККИ оценил заявки на гранты. В общей сложности 16 900 долларов США было выделено восемнадцати ИК-ТГ-РГ в 2011 году и еще 8 660 евро тринадцати ИК-ТГ-РГ в 2012 году. Дженнифер Платт, вице-президент по публикациям, представила инструкции для авторов журналов исследовательского комитета, которые теперь доступны на сайте: http://www.isa-sociology.org/about/rc_aims.htm.

Наконец, были рассмотрены и обсуждены доклады о деятельности ИК-ТГ-РГ за 2006-2008 и 2008-2010 годы. Большинство ИК-ТГ-РГ были достаточно активны, организовывая конференции, издавая информационные бюллетени и проводя иную профессиональную работу. Была разработана новая форма отчетности по деятельности ИК-ТГ-РГ для более эффективного и последовательного сбора данных.

> **Дженнифер Платт, вице-президент по публикациям**

Суджата Пател, редактор Sage Studies in International Sociology (SSIS), договорилась с издательством Sage о публикации книг в Индии, которые будут продаваться по индийским ценам членам МСА и покупателям из развивающихся стран, в то время как большие пособия в твердом переплете будут доступны для западных библиотек по западным ценам. Эта инициатива получила общее одобрение.

Было принято решение предоставить национальным ассоциациям возможность перепечатать в переводе (сделанном под их эгидой) любых статей из Current Sociology (CS) или International Sociology, не взирая обычной платы за разрешения публикации. CS будет публиковать дополнительный номер каждый год, состоящий из обзорных статей из Sociopedia.

Была принята программа, предписывающая редакторам журналов и вице-президенту обеспечивать издательскую деятельность во время каждого организуемого МСА собы-

тия; это могут быть встречи с редакторами, семинары по академическому письму или встречи с местными редакторами. Члены комитета по публикациям должны принимать участие во всех крупных конференциях ежегодно, чтобы распространять наши журналы, отслеживать новые разработки и привлекать новых авторов и рецензентов.

> **Ракель Соса, вице-президент по программе**

Встреча Комитета по подготовке Конгресса в Йокогаме в 2014 году, состоявшаяся в Бейруте, прошла с большим успехом. Сформулирована тема конгресса: «Мир неравенства: вызовы для социологии». Мы уже опубликовали объявление о приеме заявок на конференцию и список будущих сессий. Последний срок подачи заявок: 15 января 2013 года. Информация доступна на веб-сайте ISA: <http://www.isa-sociology.org/congress2014/>. Мы готовы рассмотреть предложения для организации специальной и интегративной сессий конференции, а также сессии «встреча авторов с критиками». Мы хотели бы, чтобы члены МСА рассматривали Конгресс как уникальную возможность принять участие в самой крупной международной дискуссии по социальным вопросам нашего времени, способной пересечь любые границы! Поскольку многие члены МСА посвятили большую часть своей профессиональной жизни изучению проблематики социального неравенства, бедности и несправедливости, мы ожидаем, что Конгресс в Йокогаме внесет существенный вклад как в теорию, так и в социальную практику. Программный комитет Конгресса принял решение подготовить десять пленарных заседаний по следующим темам: конфигурация структурного неравенства; неравенство и структуры власти; воспроизводство и практики неравенства; социальные травмы неравенства; представления о справедливости в различных исторических и культурных традициях; справедливость и социальные системы; преодоление неравенства; акторы и опыт; экологическая справедливость и устойчивое развитие; социология и неравенство. Участниками конференции станут ученые из разных уголков мира, развивающие

различные социологические подходы. Мы надеемся, что пленарные доклады вместе с панелью, подготовленной президентом МСА и сессиями местного организационного комитета будут интересными и внесут вклад в обновление социальных наук в XXI веке.

> **Тина Уйс, вице-президент по национальным ассоциациям**

Члены комитета обсудили критерии постоянного коллективного членства в МСА. Согласно процедурам МСА, постоянные коллективные члены принимаются по решению Исполнительного комитета по рекомендации Комитета по национальным ассоциациям и Комитета по финансам и вопросам членства. Уставы постоянных коллективных членов должны быть приведены в соответствие со статьями 1 и 2 Устава МСА:

- Постоянные коллективные члены должны быть некоммерческими объединениями, созданными для научных целей, и представляющими социологов, независимо от их теоретических, методологических подходов или идеологических убеждений.
- Цель постоянных коллективных членов должна состоять в продвижении социологического знания. Их структура должна учитывать профессиональные интересы социологов, а также поддерживать и укреплять свободное развитие социологической мысли через широкое разнообразие мероприятий, таких как проведение конференций и содействие публикациям.
- Руководящий состав постоянных коллективных членов должен избираться путем регулярного демократического процесса.

Мы утвердили новый порядок рассмотрения заявок на получение статуса постоянного коллективного членства, который был разработан в период между ежегодными встречами Комитета. Во второй половине 2011 года Словенская ассоциация

социальных наук подала заявку на постоянное коллективное членство. Заявка была оценена при помощи онлайн-процедуры и одобрена. Заявка Ассоциации социологов и антропологов Уганды была одобрена на заседании. В МСА теперь состоят 60 постоянных коллективных членов, однако не все из них заплатили членские взносы и, следовательно, к сожалению, находятся в затруднительном положении.

На основе критериев, установленных Комитетом на заседании в Мексике в 2011 году, региональные гранты на проведение семинаров были предоставлены Социологической ассоциации Бангладеш, Болгарии, Мозамбика и Филиппин. Бангладеш и Мозамбик также получили гранты на разработку сайта.

Планы конференции Совета национальных ассоциаций (СНА) постепенно приобретают конкретные черты. Конференция состоится в Анкаре (Турция) в мае 2013 года. Тема конференции «Социология в беспокойное время: сравнительные подходы». Она будет организована совместно с Департаментом социологии Ближневосточного технического университета, Турецкой ассоциацией общественных наук и Социологической ассоциацией Турции.

> **Роберт Ван Крикен, вице-президент по финансам и членству**

Комитет по финансам и вопросам членства сообщил о неуклонном росте числа индивидуальных членов МСА, которых в настоящее время насчитывается немногим более 5000 человек. Взнос за пожизненное членство сейчас составляет € 300, Комитет предлагает дифференцировать сумму взноса по категориям стран: Кат. А: € 300; Кат. В: € 200; Кат. С: € 100. Эти изменения могут быть внесены только на Всемирном конгрессе в Йокогаме в 2014 году. Мы рекомендовали упростить процедуру предоставления пожертвований в пользу МСА через веб-сайт, а также изучить способы привлечения допол-

нительных пожертвований и отчуждения имущества в пользу МСА.

Мы представили членам исполкома краткий финансовый отчет за 2010 и 2011 годы, а также доклад о бюджете на 2010-2014 годы, и открыли обсуждение заявок о дополнительном финансировании. Общее финансовое положение МСА признано удовлетворительным. За отчетный период отмечено значительное увеличение численности персонала и административных расходов в связи с ростом деятельности МСА, но расходы были компенсированы за счет повышения вклада Sage по обновленному контракту, подписанному в 2011 году. Были утверждены дополнительные средства для программы «Глобальный диалог», «Путешествия по социологии», а также на покрытие расходов на командировки редакторов.

> **Разное**

Во время встречи был заслушан и обсуждался обнадеживающий отчет проф. Коичи Хасегава, руководителя Местного организационного комитета Всемирного конгресса МСА в Йокогаме (2014). Мы обсудили доклады наших представителей в ООН (Ян Фриц, Рудольф Рихтер, Розмари Барберет и Хильде Якобсен), Международного института социологии права (Рамон Флеча) и Глобальной сети развития (Эмма Порито). Проф. Чин-Чун Йи рассказала о подготовке Лаборатории для аспирантов в Тайбэе в 2012 году. Члены исполкома подписали коллективное письмо в защиту исследований в области социальных наук в Европейском Союзе.

Мы завершили работу словами благодарности в адрес организаторов, которые сделали все возможное, чтобы наша встреча в Бейруте оказалась интересным и эффективным, в особенности Сари Ханафи, Убаду Кассар и Чебиб Диаб из АУБ, а также неутомимый персонал Секретариата МСА за содействие в организации нашей столь масштабной встречи и за непрерывную работу по развитию МСА. ■

> Знакомимся с Южной Африкой, обсуждая диссертации

Тина Уйс, Университет Йоханнесбурга, ЮАР, вице-президент МСА по связям с национальными социологическими ассоциациями, 2010-2014

| Студенты PhD лаборатории МСА в Соуэто.

Десятая аспирантская лаборатория МСА состоялась 8-11 ноября 2011 года в резиденции Университета Йоханнесбурга в уединенном местечке на острове Вааль Дам возле Вереенигинга в Южной Африке. Двенадцать студентов из таких разных мест, как Китай, Иран, Европа, США, Мексика и Бразилия были отобраны из 50 претендентов. К ним присоединились два южноафриканских студента. Их наставники были не менее разнообразны по географическому представительству: Ян Мари Фриц из США, Чин Чун Йи из Тайваня, Йошимичи Сато из Японии. Темой лаборатории в этом году была объявлена следующая: «Социальное исключение, гражданство и социальный капитал».

Работа началась с «символического возвращения в Африку», которое заключалось в посещении пещеры Стеркфонтейн, занесенной в список Всемирного наследия, где были найдены множество гоминидов и других ископаемых животных, проживавших более чем 4 миллиона лет назад, еще до рождения человечества. Самые важные и самые известные из этих окаменелостей: «Миссис Плес», — это череп австралопитека возрастом 2,1 миллиона; и «Малоножка» — почти полный скелет австралопитека, которому более 3-х миллионов лет. После экскурсии студенты и преподаватели отправились на остров сначала на микроавтобусе, а затем на лодке.

Работа Лаборатории проходила четыре дня, в формате сессий, на которых аспиранты и преподаватели представляли свои работы. Многонациональная аудитория оказалась прекрасной средой для энергичных дискуссий, и сессии проходили очень оживленно. Теплыми летними вечерами также было много интересных мероприятий. Участники ездили на сафари и в лодочный круиз вокруг острова, что позволило всем лучше узнать друг друга. Пребывание на острове завершилось традиционным южноафриканским braai (барбекю) и большим костром. В субботу студенты и преподаватели познакомились с некоторыми фактами из новейшей истории Южной Африки во время экскурсии по Соуэто, включающей традиционный обед shebeen. Работа Лаборатории закончилась прощальным ужином в субботу вечером в View Hotel с потрясающим видом на заповедник Melville Koppies в Йоханнесбурге.

В заключение я бы хотела поблагодарить профессора Рори Райана, декана факультета гуманитарных наук, за гостеприимство и местную финансовую поддержку. Я уверена, что у участников останутся самые теплые воспоминания о пребывании на острове и в Йоханнесбурге. ■

> Путешествия по социологии

Лалех Бехбахянн, Университет Беркли, Калифорния

Лалех Бехбахянн является координатором и ведущей проекта «Путешествия по социологии». «Глобальный Диалог» попросил ее рассказать о проекте и о том новом знании, которое она почерпнула из интервью с членами Исполнительного комитета Международной Социологической Ассоциации.

Путешествия по социологии - это серия записанных интервью с членами исполнительного комитета Международной социологической ассоциации. Интервью проводятся по Скайпу и дают редкую возможность взглянуть на личные профессиональные истории социологов. В фокусе интервью были два главных вопроса: что повлияло на профессиональное становление этих людей и с какими трудностями они сталкивались на своем профессиональном пути. Все интервью опубликованы на веб-странице Международной социологической ассоциации по адресу <http://www.isa-sociology.org/journeys-through-sociology/>.

Хотя интервью полны интереснейших личных историй, в своей совокупности они бросают свет на опыт, разделяемый социологами в различных местах планеты в разные моменты времени. Все рассказчики отмечают свойственное им глубокое любопытство по поводу устройства социального мира. Йошими Сато обсуждает, что социология привлекла его как ключ к разгадке «социальных головоломок», а Дженнифер Платт описывает радость, получаемую ей от работы с различными типами эмпирических данных.

Социологическое любопытство многих ученых было подстегнуто опытом путешествий или миграции. Социологическое воображение Майкла Буравого разгорелось впоследствии его путешествий по США, Индии, Замбии. Опыт миграции из Бангладеш в Канаду, Сингапур и ОАЭ сформировало у Хабибула Хондкера взгляд «бродячего социолога»,

занимающегося компаративистскими исследованиями.

Том Дуайер, выросший в Австралии в семье ирландских иммигрантов, описывает рано испытанное им чувство «отчужденности», которое он испытывал во время путешествий в годы своей юности. Эта отчужденность выработала в нем склонность к социологическим размышлениям о мире. Винета Синха обсуждает похожий мотив, описывая чувство «дискомфорта», внушенное ей профессорами социологии и открывшее новые волнующие возможности интерпретации мира.

Неудивительно, что многих ученых изначально привлекли в социологию вдохновившие их учителя. Такое вдохновение они сами теперь стремятся передать и своим собственным студентам. Тина Уйс подробно рассказывает о том впечатлении, которое на нее произвели преподаватели, и о том, как она использует социологию для понимания проблем, стоящих перед исследователями Южной Африки.

Саймон Мападименг, также из Южной Африки, познакомился с дисциплиной через своих профессоров, которые были активно вовлечены в борьбу с апартеидом, что привело к тому, что он сам стал приверженцем воспитания нового поколения черных южно-африканских социологов.

Еще один мотив непрестанно звучал во всех автобиографиях: интерес к социологии как к инструменту социальных изменений. Практически в каждом интервью обсуждалась потенциальная способность социологии решать социальные, политические и экономические вопросы.

Хайме Хименез вспоминает, как он студентом в 1958 году работал на первом компьютере в Мексике, и ему казалось, что это новое знание дает надежду на решение проблем нации. Это побудило его к тому, чтобы заняться количественными исследованиями, подходящими для решения социально-экономических проблем. Дилек Синдоглу описывает, как политические волнения в Турции 1970-х привели ее в социологию. «Я хотела понять, что происходит в Турции. И до сих пор хочу!»

Многие интервью предоставляют завораживающие рассказы о пересечениях биографии и истории, которые привели их к тому, чтобы вступить на путь изучения социологии. Ишвар Модии рассказал о периоде после получения Индией независимости и о том, как внимание социальных исследователей обратилось в сторону реконструкции и развития. Чин-Чун Йи в социологию привела резкая социальная трансформация в Тайване 70-х. Путешествие Эммы Поррио по социологии было вызвано желанием понять стремительные социальные изменения, охватившие Филиппины во времена военного положения. Елена Здравомыслова представила впечатляющий рассказ о влиянии ее отца и его коллег, которые создавали советскую социологию, а также о разочаровании в дисциплине в конце 70-х и о том, как социология стала развиваться благодаря возможностям, предоставленным перестройкой.

Интервью также предоставляют взгляд на ряд сложных социальных проблем, с которыми сталкиваются социологи во всем мире. Некоторые из этих проблем возникают на

пересечении гендера, расы и этничности, в то время как другие более универсальны. Многие ученые Глобального Юга говорят о попытках вывести социологическую теорию за пределы евроцентричных границ, а также подчеркивают необходимость решения проблемы устойчивого глобального неравенства в производстве социологического знания (в том, что касается языка, журналов и публикаций, исследовательских приоритетов). Многие из этих ученых сталкиваются с трудностями, связанными с необходимостью проведения исследований, которые уходят корнями в местный контекст и в то же время являются релевантными на мировом уровне.

Сари Ханафи красноречиво описал эту социологическую дилемму в следующих терминах: ученый сталкивается с проблемой выбора между тем, чтобы «публиковаться на мировом уровне и исчезнуть на местном» и тем, чтобы «публиковаться на местном и исчезнуть на мировом».

Существует также ряд проблем универсального характера, которые затрагиваются практически во всем массиве интервью. Среди них — проблема ограничений, налагаемых на профессиональную деятельность социолога жесткими дисциплинарными

границами. Ракель Соса описывает свои усилия по развитию междисциплинарных исследований и сотрудничества в Латинской Америке, а также важность «поиска различных типов объяснения социальной реальности». Роберт ван Крикен утверждает, что социология может сыграть лидирующую роль в продвижении междисциплинарности, а также рассказывает, что он всегда склонялся к этому полю потому, что оно позволяло ему привлекать к объяснению социальных феноменов и другие виды знания.

потрясающие рассказы на пересечении биографий и истории

Многие интервью также фокусируются на такой непростой задаче как необходимость балансирования разных социологических ролей (преподавание, исследования, административ-

ные функции, активизм) и примирять между собой различные измерения социологических исследований (профессиональные, критические, политические, публичные). Маргарет Абрахам осмысливает проблему баланса разных сторон профессии, обсуждая пересечения исследований, преподавания, а также общественно-политической активности, связанных с проблемой домашнего насилия в южноафриканских сообществах, проживающих в США.

Эти интервью демонстрируют все разнообразие притягательности социологии для представителей разных поколений, живущих в разных частях глобального мира. Они показывают, какие интересные и компетентные профессионалы составляют исполком МСА. Если Вы сомневаетесь в моих словах, обратитесь к последним страницам каждого интервью, где респонденты рассказывают, кем бы они стали, если бы не были социологами: юристами, врачами, журналистами, архитекторами, а также исполнителями танца живота, танцорами балета, владельцами баров, плотниками, или же ведущими кулинарного шоу под названием «Хорошо перемешать!» Нам действительно повезло, что в нашей ассоциации работает такая разнообразная, человеческая группа. ■

> Арабские восстания

Социологические перспективы и географические сравнения

Амина Араби и Юлиан Юргенмайер, Фонд Фридриха Эберта, Ливан

Революционное искусство на улице Мохамеда Махмуда, Каир. Фото Моны Абаз

Дальнейшая судьба народных восстаний в арабском мире остается неопределенной. Несмотря на это, уже стало ясно, что политический ландшафт в регионе трансформировался в масштабах, не виданных со времен формального окончания эпохи колониализма. Эссенциалистская идея об «арабской исключительности», казавшаяся непоколебимой, наконец дискредитирована. Конференция, проведенная 20-21 марта 2012 года в Американском Университете в Бейруте, собрала исследователей не только со всего арабского мира, но и из Индии, Латинской и Северной Америки, а также из стран Европы и Африки, чтобы обсудить ши-

рокий спектр тем, имеющих отношение к восстаниям и революциям. В особенности конференция была нацелена на выдвижение на передний план социологических перспектив, которыми часто пренебрегают, а также на разработку возможных сценариев будущей траектории протеста с помощью применения исторических, международных, а также межконтинентальных сравнений.

В своем докладе о движении «Оккупируй Уолл-Стрит» Маркус Шульц (Иллинойский университет в Урбана-Кампейн) сделал такое сравнение возможным, предоставив теоретическую рамку исследования социальных движений. Стал очевиден целый ряд неожиданных параллелей между

арабскими восстаниями и движением «Оккупируй Уолл-Стрит», как, например, их диалогическая структура и отсутствие лидеров, которые, как утверждает Мохаммад Бамьех (Университет Питтсбурга), в арабском случае связаны с давней традицией анархистской этики. По его мнению, народные движения во всем арабском мире могут считаться выражением исторической памяти, которая с глубоким подозрением относится к авторитаризму и стремится к народному правлению, а не просто позиционирует представителей народа как объектов репрезентации.

Неоднократно дебатировался вопрос о демократической направленности восстаний. Хотя участники конферен-

ции согласились, что самым главным фактором оказалась бедственная экономическая ситуация, они отвергли чисто материалистическую интерпретацию как редукционистскую и не подходящую для объяснения глубокой трансформации, происходящей в арабских обществах. Случай Бахрейна, проанализированный Абдулхади Халафом (Лундский университет), послужил примером истинно политического переворота. Его главные действующие лица протестовали против королевской политики «хлеба и зрелищ» и требовали для себя статуса «граждан, а не подданных». Сари Ханафи (Американский университет в Бейруте) утверждал, что на волне восстаний возникла новая форма политической субъектности, которая, резко контрастируя с так называемым неолиберальным индивидуализмом, не пытается вызвать тотальную эмансипацию от коллективных институтов, но призывает своих акторов активно осмысливать социальные связи, в которые они погружены, и, если понадобится, изменить не только эти связи, но и сами коллективные институты.

По мнению Ханафи, такой «рефлексивный индивидуализм» обладает способностью преодоления групповых и этнических расколов и, таким образом, может проложить путь к «новому патриотизму». Как стало ясно из последующей дискуссии, вероятность того, что исход будет таков, висит на волоске — принимая во внимание то, что даже в Тунисе и Египте, этих предполагаемых оплотах рефлексивности, пост-революционное электоральное поведение все же в основном определялось групповой и этнической приверженностью.

Опираясь на опыт Латинской Америки, Ракель Соса Элизага (Национальный автономный университет Мексики) и Эдгардо Ландер (Венесуэльский центральный университет) еще раз подчеркнули необходимость социальной революции, а не просто смены политического режима. Только таким образом было бы возможно преодолеть структуры эксплуатации и угнетения, которые в большинстве латиноамериканских стран сохранились после «договорных транзитов» к (либеральной) демократии. Тина Уйс (Университет Йоханнесбурга) представила похожую критику «договорной революции» в Южной Африке, изобразив ее как в корне консервативную.

Как видно на примере Латинской Америки, армия, т.е. вооруженные силы должны рассматриваться как один из ключевых акторов во время переходного периода смены режимов. Йезид Сейх (Ближневосточный Центр Карнеги, Бейрут) указал на проникновение военных практически во все общественные сферы вследствие решающей роли, которую армия сыграла в конструировании авторитарной власти в арабском мире. Таким образом, реконфигурация гражданско-военных отношений является одной из самых необходимых, срочных и сопряженных с рисками задач пост-революционных правительств — неизбежное нарушение давно установившихся общественных интересов, утверждает Сейх, может стать серьезным препятствием для сдерживания военной власти в обществе. Мона Абаз (Американский университет в Каире), обсудив роль публичного пространства в продолжающихся столкновениях между революционерами и армией на примере Египта, показала в своей работе «Размышления о пост-революции», что египетская армия еще не открыта для демократического контроля и по-прежнему ставит перед собой цель захвата политической власти.

Гражданско-военные отношения в Турции часто упоминаются как одна из возможных моделей для арабского мира. Дилек Синдоглу (Университет Билькент, Анкара) ставит это предположение под вопрос, отмечая некоторые недостатки турецкой демократии и в особенности предостерегая об опасности «гендерно слепой демократизации». Фатима Кубаисси (Университет Катара) и Джен Мэри Фритц (Университет Цинцинатти, США) анализировали роль женщин в процессах демократического транзита. Фритц отметила, что моментам политических изменений свойственна фундаментальная непредсказуемость, которая может явиться источником социальной трансформации и улучшения положения женщин.

Что касается вопроса о том, чье положение следует улучшать, чтобы способствовать демократическим изменениям, Джастин Генглер (Университет Катара) оспорил обыденную мудрость, согласно которой гражданское участие способствует более положительному восприятию демократических ценностей. На основании данных опроса Мировой обзор ценностей, Генглер выдвинул спорную гипотезу о

том, что, как минимум в Катаре, гражданское общество как таковое не является каналом демократизации, а скорее предоставляет участникам доступ к клиентелистским структурам. Горан Терборн (Кембриджский ун-т) расширил аргументацию Генглера и заявил, что и в демократических странах, гражданское общество в первую очередь представляет собой сферу, в которой репрезентируются определенные интересы, а не истинно демократические ценности.

В своей заключительной речи Майкл Буравой (Университет штата Калифорния, Беркли) поддержал организаторов конференции в попытке выработать систематическую сравнительную перспективу в отношении восстаний. Эта конференция стала важным шагом в сторону выработки истинно компаративистского подхода, несмотря на то, что она не смогла на этом этапе представить синтез опыта демократизации разных стран и регионов.

Большинство докладов и обсуждений фокусировали внимание на специфике динамики политических протестов в разных странах и регионах, таким образом, представляя детализированные, но все же изолированные исследования случая, а не на систематизации накопленного эмпирического знания о революциях и демократизации. Лишь немногие участники были в первую очередь заинтересованы тем, к каким выводам можно прийти на основе изучения арабских восстаний и опираясь на опыт событий, происходивших в других местах. Таким образом, одной из актуальных задач остается разработка более общей рамки сравнительного анализа смены режимов, которая не попадает в ловушку установления упрощенных редукционистских причинно-следственных связей.

Следует помнить, что спонтанность арабских революций не может быть объяснена (квази-)детерминистскими моделями, но должна объясняться непредсказуемостью человеческой деятельности, как выразился Горан Терборн. Следовательно, как напомнила Нала Шахал из газеты «Аль Сафир» в своей политизированной речи, те, кто защищают идею политических изменений в арабском мире должны использовать возможностями этого поистине исторического момента и перевести свои теоретические размышления в революционную практику. ■

> СОЦИОЛОГИЯ ИЛИ СОЦИОЛОГИИ? Польский диалог

Миколай Мержеевски, Каролина Миколаевска, Якуб Розенбаум,
Лаборатория публичной социологии, Варшавский университет, Польша

«Глобальный диалог». Симпозиум
о будущем социологии. Варшава.

Первый номер журнала «Глобальный диалог» (ГДБ 2.2), вышедший на польском языке, был посвящен месту социологии в мире неравенства. Польская команда редакторов — сотрудники студенческой Лаборатории публичной социологии — приняла решение перенести глобальную дискуссию в более локальный контекст. Мы организовали семинар, посвященный польскому взгляду на вопросы, поднятые Петром Штомпкой и его оппонентами.

Встреча проходила 19 января 2012 года. В ней участвовали студенты, аспиранты и профессора различных факультетов Университета и других вузов. Все присутствующие на семинаре имели возможность выразить своё мнение, но «для затравки» дискуссии были приглашены три гостя со вступительными докладами. Профессор Анна Гиза-Полещук — известный специалист в области социологии семьи и социальных связей, активная участница польского сектора НКО. Профессор Антони Сулек — бывший

президент Польской социологической ассоциации (PTS). Области его специализации — методология, теории общественного мнения и история польской социологии. Основная сфера исследований доктора Изабелы Вагнер — профессиональные карьеры учёных и музыкантов. Она проводила исследования во Франции, Польше и США, сотрудничала с Высшей школой социальных наук в Париже и Гарвардским университетом.

На семинаре обсуждалось множество тем, от конфликтов внутри соци-

ологической дисциплины до польской реформы науки и высшего образования, проведённой в 2011 году. Однако в основном мы пытались поднять ответ на вопрос, возможна ли (и желательна ли) единая мировая социология, или же мы должны поощрять «локальные социологии», занимающиеся локальными проблемами, — другими словами, мы пытались ответить на вопрос, которым был озаглавлен семинар: «Одна или много социологий?»

Открыла семинар доктор Изабела Вагнер, в своём докладе продемонстрировав множество вариаций границ и неравенства среди социологов. В социологии существуют не только конфликты между Севером и Югом, Западом и Востоком, элитой и не-элитой, но также есть разногласия между теоретиками и «этнографами», которые начинают исследования с работы в поле и только потом переходят к теории. С точки зрения доктора Вагнер, Пётр Штомпка и Майкл Буравой — представители этих противоположных подходов. Взгляды этих двух учёных в большой степени обусловлены их академическими карьерами и социальным бэкграундом. В своём докладе доктор Вагнер сравнивала ситуацию в социологии с аналогичным конфликтом в молекулярной биологии. Ранее в этой дисциплине преобладали учёные, работавшие в искусственно созданных лабораторных условиях. Как выяснилось, используемый ими пробирочный метод (*in vitro*) часто искажал результаты исследований, в результате чего был реабилитирован опыт на живых организмах (*in vivo*). Несмотря на то, что это более дорогостоящий метод, а 95% экспериментов заканчиваются неудачами, с помощью него производится теоретическое знание, прочно основанное на эмпирической реальности. Метод *in vitro* похож на

теоретический подход в социологии, в то время как метод *in vivo* близок к этнографии, так как здесь формируется меньше априорных гипотез, а все теории являются следствиями результатов полевой работы. Доктор Вагнер выразила надежду, что социология сможет совершить поворот, подобный описанной революции в биологии.

Профессор Энтони Сулек предложил другой подход к обсуждаемому вопросу, определив социологию как «науку, говорящую об обществе», а не как «науку об обществе». По его словам, такое определение даёт нам возможность обсуждать плюрализм языков, используемых в социологических текстах, а также разнообразие обществ. Последнее, вероятно, представляет собой нерешимую теоретическую проблему (то, насколько различаются между собой общества). Если, напротив, рассмотреть используемый нами социологический язык, можно увидеть, что оппозиция «универсальное — частное» является ложной дилеммой. Профессор Сулек высказал предположение, что существуют две «социологические коммуникативные цепи» (*sociological circuits*). Первая — чисто научная «цепь», в рамках которой социологи общаются друг с другом. Здесь публикации на английском языке не только приемлемы, но и желательны: здесь «социологи общаются с миром, а с миром общаются на мировых языках». Цель — поделиться локальным опытом, используя язык чистой социологической теории, без контекстуальных ссылок. Однако существует ещё одна цепь в пределах которой социологи разговаривают со своим собственным обществом. И в создании и поддержании этой коммуникативной цепи заключается основная роль социологии. С точки зрения профессора Сулека, лучший пример деятельности второй цепи — это «со-

циологическое письмо», тексты, написанные не для аудитории других учёных, но для широкого читателя. Однако социологическое письмо нельзя путать с деятельностью «медиа-социологов», выступающих по телевидению, которые больше похожи на селебрити, чем на учёных.

Профессор Анна Гиза-Полещук также обсуждала различия в понимании сути социологии. В её докладе были рассмотрены три важные проблемы, которые нужно иметь в виду при поиске универсальной социологии. Во-первых, у всех ли есть равные возможности представить обществу своё видение универсального знания? Ображаем ли мы (помним ли? представляем ли себе?) те механизмы, которые могли бы защитить нас от «узурпаторов», монополизирующих эту конкретную науку? Во-вторых, кто задаёт программу развития социологической науки? Кто решает, какие проблемы являются важными для «общего пула знаний»? В-третьих, всегда ли мы говорим об одних и тех же вещах? Различия между обществами действуют не только на уровне «раскрытия» универсальной логики. Теории также играют роль в определении того, как мы видим мир. Естественно, многие теории могут оказаться попросту неадекватными, как, например, неоклассическая экономика в стране, где нет свободного рынка.

¹ Koło Naukowe Socjologii Publicznej (Лаборатория публичной социологии) - это студенческая научная организация, учрежденная в Институте социологии в Варшаве. См. public.sociology.kn@uw.edu.pl или на сайте <http://www.facebook.com/sociologiapubliczna>.

² О польской реформе см. публикации Izabela Wagner and Anna Szolucha, блог MCA (<http://www.isa-sociology.org/universities-in-crisis/>). ■

> Кучка детей Вот кто мы!

Рейханех Джавади, Университет Тегерана, Иран

Переводя презентацию японской редакционной команды (GD2.3), перечисляя полученные ими степени и направления исследований, я думала: «Боже мой! Что мы делаем среди всех этих докторов наук и профессоров? Мы же просто кучка детей!»

И действительно: это именно так! Мы — группа высоко мотивированных молодых социологов, убежденных в том, что заслуживаем лучших условий обучения. Потому мы и объединились в Студенческую социологическую ассоциацию Тегеранского университета. Мы пытаемся выявить недостатки системы формального образования, бороться с ними и создавать альтернативы. Совет ассоциации избирается путем голосования студентов социологии университета. Срок его полномочий составляет один учебный год.

В прошлом году наша Ассоциация возобновила деятельность после нескольких лет бездействия. В избранный совет вошли: Сагхар Бозорги, Наджмех Тахери, Элахе Нури, Митра Данешвар, Фазех Хаджезаде, Сомайех Ростампур и Рейханех Джавади. Эта группа начала свою работу месяц назад. Среди новичков, занявших места тех, кто уже окончил университет: Настаран Махмудзадех, Тара Аскари Лалех и Захра Бабаей. Все члены совета — студенты-бакалавры, за исключением двух магистров. И все мы — женщины!

Внимание нашей Ассоциации фокусируется, прежде всего, на создании групп для чтения произведений классической и современной социологии; на организации семинаров, таких как «Социология религии в Иране»; на организации лекций, в том числе Майкла Буравого (публичная социология) и Дженнифер Платт (история социологии). Также мы организовали выставку социальной фотографии. Последнее, но не менее важное, из того, что мы делаем — это публикация студенческого социологического журнала «Sareh» («Чистые»), каждый номер которого состоит из двух частей. Первая часть представляет собой критический подход к ситуации преподавания социологии на нашем факультете, а вторая часть — переводы социологических статей или глав книг.

Перевод «Глобального диалога» является одной из задач нашей Ассоциации. В отличие от других команд мы совместно выбираем переводчиков. Работа над бюллетенем оказалась прекрасной возможностью стимулировать наш энтузиазм. Перед началом работы над каждым номером мы даем объявление на факультете с просьбой всех заинтересованных студентов перевести образец текста в одну страницу. Для каждого номера мы выбираем четырех переводчиков, лучше других справившихся с работой над образцом. Представляю нашу команду переводчиков:

Reyhaneh Javadi . Рейханех Джавади: магистрантка социологии Тегеранского университета (ТУ). Она получила степень бакалавра по социологии в ТУ. Область исследований — историческая социология, с фокусом на реформы XIX и начала XX века в Иране.

Jalal Karimian. Джалал Каримиан: магистрант философии в Университете Шахид Бехешти (УШБ). Он получил степень бакалавра социальных наук в ТУ. В последнее время Джалал занимается изучением экзистенциальной философии и феноменологии религии, а также интересуется публичной социологией.

Shahrad Shahvand Шахрад Шахванд: магистр международных отношений ТУ, закончил Университет Персидского залива (УПЗ) по специальности в области химического машиностроения. Теперь она занимается религией, культурой и политикой в Южной Азии, особенно в Пакистане.

Saghar Bozorgi Сагхар Бозорги: студентка социологии ТУ. Ее исследовательские интересы сфокусированы на изучении современного Ирана в рамках подходов исторической социологии.

Najmeh Taheri. Наджмех Тахери: студентка социологии ТУ.

Tara Asgari Laleh. Тара Асгари Лалех. Студентка социологии ТУ.

Fatemeh Moghaddasi. Фатима Магхаддаси: магистрантка социологии в Университете Алламах Табатабай (УАТ). Получила степень бакалавра социологии в ТУ. Научные интересы - социология образования и публичная социология; фокусируются на истории публичной социологии в Иране и расширении спектра задач публичной социологии в образовательной системе.

Zeinab Nesar. Зейнаб Несар: магистрантка социологии в ТУ. Она получила степень бакалавра в ТУ и занимается гендерными исследованиями.

Faezeh Esmaeili. Фэзех Эсмэли: магистрантка социологии в ТУ. Получила степень бакалавра по социологии в УШБ и занимается анализом социальной политики в эпоху Пехлеви.

Mitra Daneshvar. Митра Данешвар: студентка социологии в ТУ. Исследует молодежные девиации, концентрируясь на проблеме смертной казни в Иране.

Совместная работа над «Глобальным диалогом» для нас большая честь и удовольствие. ■

> Место франкофонной социологии в глобальном пространстве

Андрэ Петита, Университет Лозанны, Швейцария, президент AISLF

Жорж Гурвич (1894-1965), французский интеллектуал и социолог российского происхождения, один из основателей МАФС (AISLF).

XIX конгресс Международной ассоциации франкофонных социологов (МАФС, AISLF), озаглавленный «Осмысляя неопределённость» (*Penser l'incertain*), пройдет 2–7 июля 2012 года в Рабате. МАФС (член МСА) была основана в 1958 году в ситуации военного, экономического, технологического и научного господства США. Начиная с 1950-х, магистранты и аспиранты всего мира искали воз-

можности учиться в университетах Соединённых Штатов. Это не нравилось многим европейским учёным, так как течения функционалистского конформизма и статистического эмпиризма, доминировавшие в то время в США, контрастировали с европейскими подходами, чувствительными к конфликтам и социальной трансформации. Джордж Гурвич, ведущая фигура AISLF, по-своему доработал сорокинскую критику американской «тестомании» и «квантофрениии». Маккартиевское безумие закончилось уже в 1954 году, однако оно оставило свой след в американской социологии.

Теоретическая и идеологическая дистанцированность франкофонных учёных от американской социологии, не говоря уже о языковой односторонности последней, сыграла ключевую роль в решении создать международное пространство для франкоговорящей социологии. Таким образом МАФС сформировалась в результате целенаправленной научной, а также языковой политики: целью Ассоциации была защита многообразия социологических трудов и языкового плюрализма путём совмещения первого со вторым.

Со временем МАФС превратилась из дружеского научного собрания в ассоциацию, в которой состоят более чем 1800 членов из более чем 50 стран. AISLF — это не региональное и не национальное общество, это ассоциация реальных и виртуальных культурно-лингвистических пространств, состоящих из частично или полностью франкоязычных стран, национальных регионов, образовательных программ и исследовательских центров. Некоторые такие пространства расположены в странах, для которых французский язык не является национальным; другие же просто образованы франкоговорящими социологами, изолированными в нефранкофонных средах. В этой «регионально-языковой» ассоциации активно работают более 50 тематических групп. МАФС выпускает электронный журнал *SociologieS* и уделяет особое внимание стажировке молодых исследователей в ежегодных школах *Rédos* (Международной сети аспирантских школ). Анонсы событий Ассоциации каждые шесть месяцев публикуются в бюллетене *Lettre de l'AISLF*. Подробности можно найти на сайте aislf.org.

МАФС также стала международной площадкой для дебатов между несколькими «школами» франкоязычной социологии, не занимая при этом напрямую ничьей стороны. Таким образом, Ассоциация выполнила свою изначальную задачу — которая остаётся таковой и поныне — защитила плюрализм в социологии и способствовала дискуссии между командами исследователей. Регионально-языковые ассоциации предлагают возможности для международной разработки и спонтанного внедрения новых концепций и парадигм, которые часто возникают в национальных контекстах, слишком узких для того, чтобы эти концепции и парадигмы могли получить необходимое развитие. Социологическому плюрализму для процветания необходимы подобные зоны языкового соседства. Одной из задач МСА является поддержка диалогов между более-менее пористыми (проницаемыми) средами, и президент МСА Майкл Буравой старается выполнить эту задачу, учитывая крупные глобальные проблемы.

Понятно, что языковые зоны неравны и образуют иерархическую структуру. Сегодня англоязычная зона занимает самое высокое положение. Эта языковая гегемония — результат многих обстоятельств и процессов, но всё же она не должна заставлять нас закрывать глаза на тот факт, что все языковые зоны, включая франкоязычную, имеют собственные внутренние иерархические структуры и внутренние ситуации неравенства. Думать и говорить по-французски для сенегальца или марокканца — совсем другое, чем для человека из Франции или Квебека. Мы действительно сталки-

ваемся с языковыми гегемониями, сопровождаемыми соответствующими отношениями неравенства.

Нынешняя ситуация отличается от того времени, когда была создана МАФС. Американская социология стала более плюралистичной. Две её самые успешные теоретические традиции, теория рационального актора и интеракционизм, сегодня являются важнейшими аспектами франкоязычной социологии. Возможно, успех этих концепций связан с фрагментированием областей социологических исследований.

Двухполюсный мир, имевший место в 1950–1970-е годы, исчез, и на его месте появился многополюсный. Мы живём в мире, где официально признан культурный плюрализм; в мире, характеризуемом глобальной взаимозависимостью неведомого до сей поры масштаба, определяемом растущей мобильностью людей, капитала, информации и продуктов производства. Мы живём во времена, когда наша технологическая и научная мощь превосходит всё, что когда-либо могли себе вообразить основатели нашей дисциплины. Либеральная программа невмешательства, отсылающая к научно-технической мечте Декарта (о людях как «хозяевах и повелителях природы»), породила неопределённости в мировой экономике и экологии такого масштаба, что после каждого кризиса выдвигаются новые требования к глобальному регулированию, чтобы не увязнуть в собственных противоречиях и развалинах старых теорий. Мы посвящаем наш XIX Конгресс в Рабате теме «Неопределённость» и полагаем, что социологи сыграют особую роль в поисках выхода из той ловушки, в которой мы сейчас находимся. ■

> И снова о МАФС: из архивов МСА

Дженнифер Платт (Университет Сассекса, Великобритания, вице-президент МСА по публикациям, 2010-2014 гг.)

Эта заметка дополняет статью Андре Петита некоторыми данными и предоставляет историческую информацию о длительных взаимоотношениях AISLF (МАФС — Международная ассоциация франкофонных социологов) и МСА, которые одно время были отображением некоторых внутренних противоречий. Основание МСА в 1949 году было инициативой ЮНЕСКО. Штаб этой организации всегда располагался в Париже, так что французский язык в ней имел как практическое значение, так и формальный статус; исторически французский также являлся языком международной дипломатии, однако этот особый статус стал уходить в прошлое с началом международного доминирования США после Второй мировой войны. Двумя официальными языками МСА были французский и английский — таким образом были исключены языки других стран с рано развившейся социологией, которые приняли сторону фашистов в войне. Когда МСА приобрела большую независимость от ЮНЕСКО, уменьшилось и практическое значение французского языка в её деятельности. Архивы показывают, что в качестве реакции на это французский социолог Джордж Гурвич в 1954 году предложил создать франкофонную секцию МСА; его предложение было воспринято как подрывающее дух интернационализма и поэтому отклонено. Вследствие этого по инициативе Гурвича и бельгийского социолога Анри Жанна в 1958 году была создана независимая ассоциация AISLF (МАФС). Однако к 1963 году эта профессиональная ассоциация стала коллективным членом МСА. Возможно, этому поспособствовало то, что Жиро, тогдашний секретарь МСА, одновременно состоял в Исполнительного комитета МАФС!

Обычно данные о работе МСА представлены по странам-коллективным членам ассоциации. Однако, если учиты-

вать не географическое положение, а язык, общая картина предстанет существенно иной. Как указывает Петита, Франция — не единственная франкофонная страна, принимающая активное участие в работе МСА; французская Канада, Бельгия и Швейцария также внесли заметный вклад в деятельность Ассоциации. С 1949 по 1956 год МСА возглавлял президент-американец, при этом одним из вице-президентов был француз, Жорж Дави. После этого президентское кресло занял Жорж Фридманн и был на этом посту с 1956 по 1959 год. Следующий франкоязычный президент МСА появился лишь после длительного перерыва — им стал Мишель Вьевьорка, возглавлявший Ассоциацию с 2006 по 2010 год, — однако на протяжении всего этого перерыва в исполнительном комитете был хотя бы один франкофон, и более того, на семи из одиннадцати президентских сроков кресло вице-президента занимал франкоговорящий социолог.

В франкофонных условиях (обычно в странах с двумя государственными языками) прошли три всемирных социологических конгресса (1953, Льеж; 1966, Эвиан; 1998, Монреаль). Во франкоязычных средах проходила деятельность трех секретариатов МСА (до переезда в Мадрид). В 1959-1962 штаб МСА находился в Лувене; в 1962-1967 — в Женеве; в 1974-1982 в Монреаль. Необходимо отметить, что некоторые выдающиеся члены МСА нефранцузского происхождения, как например, Ануар Абдел-Малек, либо в течение многих лет работали в Париже, либо имели там прочные и продолжительные интеллектуальные контакты. Подобным образом социологи — мигранты, такие, как например, Жак Дофни, переехавший в Квебек из Бельгии, создают чрезвычайно значимые профессиональные социальные связи. Итак, мы видим, что лингвистические связи способны создавать контакты и выражать коллективную идентичность. ■

> Вызовы, стоящие перед Индийским социологическим обществом

Ишвар Моди, Президент Индийского социологического общества, член исполкома МСА, 2010-2014

Ишвар Моди зажигает священную лампаду на годичной конференции МСИ (ISS) в Джайпуре. В центре — его превосходительство губернатор Раджастана, С.К. Синх.

Индийская социология достигла поразительных высот в области образования и исследований. Индийское социологическое общество (ИСС) на протяжении шести десятков лет своего существования играло значительную роль в этом процессе. Я очень рад, что в январе 2012 был выбран президентом ИСС на два года. В ИСС состоит примерно 3500 пожизненных членов, граждан Индии, а также несколько иностранных членов. Сейчас социология в Индии находится на перепутье. В последние годы перед нашей столетней академической профессией появилось несколько вызовов. Колониальное прошлое индийского общества всё ещё даёт о себе знать в областях педагогики и методологии, и над нашими научными стремлениями, концепциями, теоретическими рамками и аналитическими конструктами господствует американское академическое превосходство. Индийская социология ещё не внесла свой вклад в мировую социальную теорию и разработку концепций (Modi, 2010). Рациональную адаптацию социологии к индийским культурным условиям можно осуществить, если подойти

к этой сложной задаче с пониманием и участием. Нам нужно разработать релевантную социологию. Под моим руководством обсуждаются инициативы по расширению горизонтов индийской социологии. В то же время индийская социология не может оставаться в стороне от глобального русла. Рупором ИСС выступает её журнал *Sociological Bulletin*. Мы намереваемся выпускать журнал чаще, расширять его тематику, сделать его многоязычным и превратить его в международное издание в прямом смысле этих слов. Нам надо выпустить специальные тематические выпуски нашего журнала. К сотрудничеству могут быть приглашены ведущие учёные. На повестке дня также создание электронного журнала.

Кроме улучшения работы *Sociological Bulletin*, существует необходимость в новых дискуссиях на темы, связанные с развитием, социальными основами политики, новыми измерениями идентичности и требованиями культурного признания, стремительным ростом средних классов, социальным неравенством, меняющимися контурами различий между городом и деревней и др. Социология для народа — таков наш лозунг в XXI веке.

Чтобы достичь этих новых целей, нам необходимо учиться у таких стран, как Бразилия, Россия, Китай и Южная Африка. Мы также можем многое усвоить из опыта восточноевропейских стран, а именно из их постсоциалистического периода. Мы должны также исследовать народные интеллектуальные традиции ориентальных, ближневосточных и африканских обществ, чтобы развивать альтернативные социологии. То есть наша задача — не только сохранить позитивные аспекты западной социологии, но также извлечь уроки из опыта развивающихся стран. Мы должны установить связи между основным руслом индийской социологии и региональными сообществами и культурами Индии. Чтобы добиться этого, ИСС необходимо построить тесные отношения с региональными ассоциациями и включить в общую социологическую картину богатое социальное и культурное разнообразие Индии. Я настроен оптимистично и считаю, что ИСС будет делать серьёзные шаги по всем этим направлениям.

Библиография
Modi, I. (2010) "Indian Sociology Faces the World." Pp.316-325 in Michael Burawoy, Chang Mau-kuei, and Michelle Fei-yu Hsieh (eds.) *Facing an Unequal World: Challenges for a Global Sociology* (Volume II). Institute of Sociology, Academia Sinica, Taiwan, and Council of National Associations of the International Sociological Association. ■

> Публичная социология в университете Анкары

Гюннур Эртонг и Йонка Одабаж, Университет Анкары, Турция

Рабочие мерзнут в палаточном городке забастовщиков, выступающих против политики найма, проводимой корпорацией TEKEL.

Мы – группа магистрантов, аспирантов и сотрудников факультета социологии Университета Анкары, работаем под руководством профессора Айтюль Касапоглу.

Наше сообщество представляет собой довольно динамичную группу: к нам присоединяются исследователи, желающие повысить квалификацию, они участвуют в наших публикационных проектах и обогащают этим опытом свою академическую жизнь. В основном это студенты, пишущие магистерские или кандидатские диссертации под руководством профессора Касаполу. Наше сообщество представляет собой исследовательскую сеть, которая продолжает функционировать даже когда мы покидаем факультет, чтобы участвовать в других проектах. Ниже мы кратко изложим содержание книг, изданных в рамках наших исследований, расскажем о семинарах профессора Касаполу, посвящённых полевым исследованиям, и журнале, в котором мы обсуждаем результаты наших исследований.

В фокусе наших публикаций вопросы, освещаемые в учебном курсе проф. Айтюль Касаполу; они написаны на материалах исследований, проводимых студентами и исследователями, работающими с нами. В этих публикациях интегрированы теоретические и практические аспекты исследований. Первая из этих книг, «Характер в меняющейся социальной структуре» (*Character in a Changing Social Structure*), посвящена эрозии характера в экстремальных условиях социальных структур. Вторая, «Новые социальные травмы» (*New Social Traumas*), посвящена исследованию нарративов социальной травмы. Третья, «Общественная жизнь и конфликт: различные панорамы» (*Social Life and Conflict: Different Panoramas*), касается общественной жизни и конфликтов, а последняя наша книга, «Две стороны одной монеты: здоровье и болезнь» (*Two Sides of the Coin: Health and Illness*), посвящена социологическим исследованиям здоровья и болезни. Серия семинаров, организуемых профессором Касаполу, знакомит студентов с современной литературой по теме. На семинарах генерируются новые идеи, которые затем обсуждаются коллегами. Даже после окончания вуза выпускники продолжают принимать участие в курсах и вдохновлять новых студентов.

Один из полевых исследовательских проектов, который мы недавно завершили, касался забастовки в корпорации TEKEL в декабре 2009. TEKEL — крупное предприятие табачно-алкогольного сектора, ранее находившееся в собственности государства. Забастовка проходила в Анкаре, столице Турции, и длилась 78 дней. Её причиной стало изменение социального статуса работников корпорации. Расцвет приватизации в 1990-е и увеличение размеров оплаты труда в публичном секторе привели к распространению контрактного найма рабочих в дочерние компании TEKEL, занимающиеся вспомогательным производством. Результатом такой стратегии предпринимателей стало уменьшение процента действительно надёжно трудоустроенных работников.

Рабочие TEKEL впервые открыто выступили против такой стратегии гибкости найма (“flexibilization”) 14 декабря 2009 года в Анкаре. Восстание было спровоцировано подавляющей тактикой служб безопасности. Из-за холодной погоды и длительного ожидания реакции государства рабочие организовали палаточный городок на улицах, где проходил митинг. Палатки привлекли общественное внимание, и несмотря на гегемонию правительства, протестующие получали большую поддержку от учёных, художников и студентов. Наша группа также принимала участие в поддержке этих рабочих. В исследовании забастовки рабочих кампании TEKEL мы опирались на модель массовой мобилизации Герберта Блумера. Результаты исследовательского проекта были представлены в докладе на конференции Европейской социологической ассоциации (ESA) в Женеве в сентябре 2011 года.

Мы издаём электронный журнал “Yurt ve Dünya” — «Родина и мир», который с 2010 года публикуется в Интернете по адресу www.yurtvedunya.net. На самом деле этот журнал имеет более долгую историю. Первый номер издания вышел в 1941 году под редакцией Бехидже Боран, социолога, работающего на факультете гуманитарных наук. Нас вдохновило движение публичной социологии Майкла Буравого, и в 2010 году мы решили возродить “Yurt ve Dünya” командой, состоящей из нескольких магистрантов и профессоров факультета социологии. Цель журнала — распространение информации об исследованиях, проводимых в нашем университете, среди различных аудиторий за его пределами. В первую очередь журнал нацелен на студентов турецких социологических факультетов.

Мы планируем обсудить достижения публичной социологии Турции на международной сцене. Все мы являемся членами МСА, ЕСА, считаем, что социологам необходимо сотрудничество на национальном, региональном и международном уровнях, и поэтому принимаем активное участие в деятельности нашей национальной ассоциации. Мы стремимся развивать коллаборативную культуру социологических исследований и заниматься публичной социологией. Если вы заинтересовались нашими работами, свяжитесь с нами по адресам:

Aytül Kasapoğlu
Yonca Odabaş
Günnur Ertong

kasap@humanity.ankara.edu.tr
yoncaodabas@yahoo.com
gertong07@gmail.com ■

> Демократизация будущего: в поисках равенства и участия

Маркус С. Шульц, Университет Иллинойса, Урбана-Шампейн, США; член программного комитета МСА по подготовке Всемирного конгресса в Йокогаме, 2014

Матери Плаза де Майо, Буэнос Айрес.
Фото Маркуса Шульца.

Исследовательский комитет МСА по исследованию будущего (RC07) работает над программой предстоящего Форума в Буэнос-Айресе, проходящего под девизом “Democratizing Futures” («Демократизируя будущее»). Этот девиз-эпиграф задумывался как связка между общей темой форума “Социальная справедливость и демократизация” и особой сферой интересов исследовательского комитета RC07. Английская версия эпиграфа содержит в себе двойное значение. Слово “democratizing” как причастие, «демократизирующее», выражает надежду на то, что будущее некоторых социальных групп станет

более демократическим. В том случае если “democratizing” перевести как деепричастие, «демократизируя», то это слово характеризует сам процесс визуализации и формирования демократического будущего. Таким образом, демократизация будущего связана с общественным поиском справедливости и соучастия. Слово “futures” здесь намеренно используется в довольно необычной форме множественного числа. Как утверждали постколониальные учёные Артуро Эскобар, Анибаль Кихано, Вальтер Миньоло и Боавентура де Суса Сантуш, мы нуждаемся в плюралистичной эпистемологии знаний. Несмотря на свою привлекательную лаконичность,

однолинейные модели не могут описать историю, какой мы её знаем. Пересекающиеся концепты представляются более подходящим решением для концептуализации запутанных и часто противоречивых модусов социальной реальности. Демократизация будущего различных измерений социальной реальности предполагает диалог об альтернативных мироопиcаниях.

В 1990-е годы, когда так называемый Вашингтонский консенсус продвигал нелиберальные рецепты структурного приспособления к ригидным рыночным моделям во всем мире, будущее считалось предопределённым. Восстания в далёких джун-

глях Чьяпаса (сапатисты!) бросили вызов для Сизтлу, Праге, Женеве, Давосу — тем крупным городам, в которых за закрытыми дверями проходили саммиты глобальных элит. Политика страха, основанная на мировой «войне с террором», казалось бы, только помогла расширить неолиберальное влияние, однако вскоре из-за спекуляций рухнули финансовые рынки, и даже мейнстримовые СМИ начали говорить о «крахе капитализма». Разумеется, эти заголовки были преждевременными, ведь практически мгновенно банки получили мультитриллионные стабилизационные кредиты, однако СМИ показывают, насколько сомнительна легитимность существующего экономического режима. После вторжения в Ирак могущество США уменьшилось по сравнению со стремительно прогрессирующим Китаем и другими развивающимися странами. Вся Южная Америка, от Аргентины до Венесуэлы и от Бразилии до Эквадора, находит новые способы отказаться от конвенций МВФ и Мирового банка и идти собственными путями. Революции в арабском мире, положившие конец власти давно правивших тиранов, открыли новые пространства для демократизации арабского региона, а отголоски этих восстаний были ощутимы даже в США.

Локальный протест на Уолл-стрит перерос в национальное движение, породившее аналогичные акции в Европе и других частях света. Несмотря на то, что корпоративные СМИ высмеивали движение «Захвати Уолл-стрит» («Оккупай») из-за отсутствия ясных требований, недостаток

чёткой идеологии сделал его даже более привлекательным. Прежде всего, целью оккупации площади Свободы в Нью-Йорке, как и многих других площадей Америки, было создание пространства для диалога. Митингующие превратили часто пустующий «полуобщественный», но находящийся в корпоративной собственности Зуккотти-парк в живое публичное пространство, где люди делятся друг с другом едой, где есть искусство, музыка, библиотека, и где идут энергичные политические дебаты о том, как создать лучшее будущее не только для 1% самой богатой части общества, но и для остальных 99%. Как свидетельствует масса самодельных картонных лозунгов, многие требования и предложения, обсуждавшиеся на площади, имели довольно конкретный характер: люди требовали более честной экономической политики, улучшения экологии, налоговых реформ, изменения в законах о финансировании избирательных кампаний. Сама горизонтальная организация движения воплощала восстановление демократии. «Захвати Уолл-стрит» бросило вызов расширяющейся пропасти социального неравенства и растущему влиянию корпораций на политику. Полиция приняла меры по подавлению возмущений, и митинги на площадях более сотни городов США были прекращены. Однако этим коллективным опытом было сформировано новое поколение активистов, готовое к продолжению борьбы за более демократическое будущее. Эти примеры показывают социологии, что будущее пластично. На различных сессиях предстоящего фору-

ма в Буэнос-Айресе будут обсуждаться следующие вопросы: Каким образом мы можем создать более демократическое будущее? Каким образом прогнозы и стремления, касающиеся будущего, влияют на повседневность и групповую солидарность в долгосрочной перспективе? Чем определяется горизонт социального видения будущих преобразований? Как нам нужно переосмыслить демократию в эпоху продвинутой глобализации? Как найти долгосрочные решения для таких актуальных проблем современности, как изменение мирового климата, ухудшение состояния окружающей среды, голод, насилие? Что можно сделать, чтобы привести демократию во власть, инфраструктуры, производство, СМИ, технологии? Как можно сделать более справедливым распределение благ, рисков и возможностей? Как различные социальные силы определяют формирование будущего? Что можно узнать, сравнивая социальные конфликты в разных странах и обстановках? Каким образом освободительные движения и повседневные практики широких масс противостоят дисциплине, эксплуатации и непризнанию? Какие можно представить варианты альтернативного будущего, какие из них желательны и какие достижимы? Каковы возможные пути социальной трансформации? Как социальные исследования, ориентированные на будущее, связаны с более крупными общественными дискуссиями?

Я выражаю благодарность Альберто Бялаковскому, Алише Палермо, Маргарет Абрахам, Майклу Буравому и Ракель Сосе за усердную работу и интеллектуальный энтузиазм. Благодаря этим людям стал возможным наш аргентинский форум. Мы ждём, что в Буэнос-Айресе произойдёт множество интересных дискуссий и вдохновляющих встреч. ■